Перемены
по-французски
Мелани Харлоу

Annotation

Миа Девин бесповоротно влюбилась в Лукаса Фурнье, после их волшебной недели в Париже. Но восемь месяцев спустя, беззаботный полуфранцуз музыкант все еще не дал никаких обещаний об их будущем. И каким бы потрясающим ни был междугородний секс по телефону, ничто не сравнится с реальными отношениями. Сытая по горло украденными выходными и одинокими ночами, Миа летит в Нью-Йорк, вооруженная списком причин, почему они должны сделать следующий шаг, но неожиданный гость в квартире Лукаса пускает все ее планы под откос. Он хранит секрет — хуже, он утверждает, что доволен тем, как обстоят дела. Может ли выжить их несогласованная любовь без магии Парижа? Номер в серии: 1, 5.

Мелани Харлоу
Перемены по-французски

Оригинальное название: *Melanie Harlow, «Yanked», Frenched, #1,5*
Мелани Харлоу, «Перемены по-французски», серия «Люби меня по-французски» #1,5
Переводчик: *Matreshka*
Редактор: *lilly_foks*
Вычитка, оформление и обложка*: Mistress*

Глава 1

Восемь месяцев мы с Лукасом Фурнье встречались на расстоянии — я в Детройте, Лукас в Париже или Нью-Йорке, и я узнала, что в отношениях на расстоянии есть только одна положительная сторона.

Секс по телефону.

Нужно сказать, что до этого я никогда не занималась сексом по телефону. В действительности, я провела большую часть сексуальной активности с Такером Бренчем, который думал, что «разнообразить сексуальную жизнь» — это значит, трахнуть меня на своей половине кровати, вместо моей, и после этого, из-за его отвращения к телесным выделениям он настаивал, что нужно немедленно сменить простыни. Один раз, когда я попыталась перевернуться так, чтобы моя голова оказалась у подножия кровати, просто для блаженной перемены от однообразия его «Одобренных позиций», он посмотрел на меня так, будто мне нужен экзорцист.

В чем я нуждалась, так это оргазм.

В конечном итоге я получила его после того, как Такер отменил нашу свадьбу (спасибо тебе, Господи), и две мои лучшие подруги убедили меня отправиться на «все-расходы-оплачены» медовый месяц в Париж самой по себе. Именно там я встретила сексуального наполовину американца, наполовину француза бармена, от которого я узнала о вине, соборах и одновременных оргазмах.

Но я отвлеклась.

Секс по телефону — я была девственницей в этом.

Лукас заявил, что он тоже, хотя у него всегда был грязный ротик — это было одна из его особенностей, что заводила меня. Он не боялся выражать свои, даже самые непристойные мысли и желания. Я, в свою очередь, приучала себя не быть зажатой и произносить некоторые слова. И привыкнуть к их звучанию в исполнении моего девчачьего голоса. Произносить их в своей голове было одно, но, чтобы говорить их вслух, было необходимо бесстрашие, которого у меня не было.

Но я быстро училась.

Вскоре я начала наслаждаться теми возможностями, которые дают мне непристойные слова. На работе в течение дня я думала о новых способах, чтобы совмещать их, фантазировала о том, как описать их, думала о том, что он сделает с моим телом, и что я хочу сделать с его.

И затем были наряды.

Лукасу нравилось знать, что на мне надето, и я знала, что он наслаждался, когда видел меня в нижнем белье — в красивых кружевных вещицах розового, белого или черного цвета, классических и сексуальных. Он отправил мне несколько подарков, но я также прибрела кое-что, что я называла «Мой Гардероб Для Секса По Телефону», и ему нравилось, когда я отправляла ему свои фотографии в чем-то новом.

Ладно, однажды я сказала ему, что на мне надет корсет, стринги и туфли на высоких каблуках, когда на самом деле я была во фланелевых штанах с кроликами на них и серой футболке с «Детройт Тайгерс»[1] с вырезом на шее. Я не была подготовлена, понятно?

Но в основном наши разговоры проходили как сегодня.

— Итак. Что на тебе надето?

— Мммм, боюсь, ничего слишком сексуального. — Иногда я дразнила его, позволяя ему думать, что у меня намерения лишь хорошей девочки, когда я поднимала трубку.

— Это сексуально, если оно на твоем теле. Расскажи мне. — Его голос опустился до низкого шепота, и это сказало мне, что он возбужден. Иногда мы разговаривали часами, прежде чем он использовал этот голос на мне, а в другие разы, как сегодня, проходила пара минут между «Привет» и «Что на тебе надето?».

— Белые трусики. Черное кружево вокруг каждого бедра. Маленький черный бантик сверху.

— Это все?

Я мягко рассмеялась.

— Да.

Тишина, в течение которой я представляла, что он становится твердым. От этого мои соски закололо, и я затаила дыхание.

— Ты в кровати? — я представляла его в Нью-Йорской квартире, лежащим на кровати, без футболки, одеяло отброшено, и он поглаживает себя. Возбуждение наполнило мои внутренности, когда я представила, как он обернул руку вокруг своего твердого члена — Боже, я хотела этого.

— Да.

Моя правая рука скользнула к внутренней поверхности моего бедра.

— Ты твердый?

— Да. — Его дыхание становилось тяжелее, так же как и мое. — Прикоснись к себе через свои маленькие, красивые трусики, Миа, чтобы они стали мокрыми.

Я сползла немного на спину, развела колени и потерла небольшие круги на своем клиторе, пока материал не стал влажным под моими пальцами.

— Я думаю о твоем члене, — прошептала я. — Он делает меня влажной.

— Да?

— Да, — я закрыла глаза, представляя его надо мной. — Если бы ты был здесь, ты бы так легко оказался во мне.

— Сначала мой язык.

— Черт. Да, сначала твой язык. — Я стала двигать рукой быстрее, сильнее прижимая, поощряя пульсацию, нарастающую между моих ног. — Лукас, так хорошо. Могу я снять свои трусики, пожалуйста? — я уже спустила их по ногам, но я знала, что его возбудит еще больше, если я попрошу разрешения. Черт, меня это тоже возбуждало.

— Такая хорошая девочка, Миа. Говорит «пожалуйста».

О боже мой. Акцент в его словах толкал меня за край. Хотя он и говорил на идеальном английском большую часть времени, иногда следы его французского воспитания давали о себе знать, когда он так говорил со мной. Однажды он сказал мне, что это потому, что он не мог здраво мыслить, когда он так возбужден, и его два языка смешиваются в голове. Я любила это — его грязные мыслишки обо мне пробегали в его голове, черт побери, на французском.

— Я хорошая девочка. — Я отбросила свои трусики на середину комнаты и вернула свои пальцы назад к шелковистому жару между ног.

— Да, ты такая. И я люблю целовать эту сладкую киску хорошей девочки. Я люблю твой вкус на своем языке. Я люблю делать тебя еще более влажной своим языком.

— Мммм… — я слушала его слова и закрыла глаза, представляя, что мои пальцы были

его ртом и языком, который облизывал, кружил и всасывал. Мне нравилось, как он использовал свои руки, чтобы открыть мои складочки, то, как беззастенчиво он зарывался лицом между моими ногами и трахал меня своим языком, прежде чем скользнуть в мое тело и…

— О боже, я хочу тебя здесь, — прошептала я.

В моем воображении я видела его темные, кудрявые волосы между моими бледными бедрами, я ощущала его колючий подбородок возле своей голой, чувствительной кожи. Нижняя часть моего тела была напряжена и дрожала.

— И я хочу сосать твой член, хочу, чтобы ты наблюдал, как я делаю это. Мне нравится, когда ты зарываешься руками в мои волосы, тянешь их и трахаешь мой рот. Я люблю чувствовать, как ты кончаешь так, прямо в мое горло.

— Иисус, Миа. Я хочу быть внутри тебя. Я хочу кончить внутри тебя. — Его слова вылетали между учащенными вдохами.

— Я тоже хочу этого. Прямо сейчас. — Хотя я и не хотела так быстро кончать, мои руки двигались так, будто мой мозг не контролировал их. Терпение было подавлено похотью, и я уже была близко.

— Ты готова к тому, чтобы я трахнул тебя? — его голос был хриплым и напряженным.

— Да. — Больше чем готова. — Боже, я хочу тебя глубоко внутри себя. Я хочу обернуть свои ноги вокруг тебя и притянуть тебя в себя. Я хочу, чтобы ты трахал меня, пока мы не взорвемся. — Я позволила телефону упасть на кровать у моего уха, чтобы обе мои руки были свободны — одна касалась моих изнывающих грудей, а другая потирала клитор. Я была за гранью того, где могла формировать связные предложения, но я все еще могла слышать его.

— Ты хочешь заставить меня кончить прямо сейчас? Хочешь? — его голос затих, и я знала, что он был на грани.

— Да. Лукас. Лукас. — Его имя снова и снова слетало с моих губ, когда я представляла его надо мной, как он вбивается в меня так жестко, что было больно, но делая меня такой безумной от желания, что я хочу большего. Я впиваюсь пальцами в его задницу так сильно, что оставляю синяки, подходящие под царапины на его спине, под отметины от зубов на его плечах. — Да, да, да…

— Черт… О боже… — его стон удовольствия взорвал меня еще больше, и я закричала, когда кончала, так как знала, как он любит слышать мою раскрепощенность в этот момент.

Когда пульсирующее удовольствие стихло, мое дыхание превратилось в рваные вдохи, и казалось, я не могла закрыть свой рот или открыть глаза. Иисус, это было так интенсивно. Как это возможно, если он даже не здесь?

— Миа.

Я никогда не устану от того, как он произносит мое имя после оргазма, в его голосе слышится благоговение, удовлетворение, нежность.

— Да.

— Мне нравится слушать, когда ты кончаешь. Я знаю, что делает твое тело и как оно ощущается на моем. Я хочу его все время.

Я улыбнулась, хоть и чувствовала небольшую печаль — я тоже хотела этого все время. Но я жила в Детройте, здесь у меня был бизнес, а он жил в Нью-Йорке, преподавал там в колледже. На данный момент никто из нас не мог просто собраться и оставить наши жизни, не то чтобы мы вообще говорили об этом. За те восемь месяцев, что мы встречались, мы на самом деле видели друг друга шесть раз: он приезжал в Детройт три раза, я летала в Нью-

Йорк дважды и еще были одни волшебные выходные прошлой осенью, когда мы встретились в Майами.

По крайней мере, я думаю, что это было Майами. Мои воспоминания с этой поездки немного туманные.

Пять Событий, Которые Я Помнила Из Отдыха С Лукасом:

1) То, как простыни ощущались зажатыми в моих кулаках. (Божественно)

2) Вид с нашего балкона, когда Лукас прижал меня к перилам и трахал сзади. (Потрясающе)

3) То, как мои высокие шпильки проткнули дырку в мягкой обивке спинки кровати. (Упс)

4) Невероятный вкус хрустящего бекона из обслуживания номеров в четыре утра, поскольку ты еще не спишь. (Мммммм)

5) Ощущение того, как сидишь на коленях Лукаса и кладешь голову ему на плечо, когда мы наблюдали восход солнца на балконе, и то, как после этого он отнес меня внутрь, закрывал шторы и держал меня, пока мы засыпали, а наши пальцы были переплетены у моей груди. (Идеально)

— Я тоже хочу этого все время, — пробормотала я, свесив ноги с кровати. — Разве это не было бы прекрасно?

— Да, было бы. Дай мне минутку привести себя в порядок. Хорошо?

— Хорошо. И мне тоже.

Несколько минут спустя я вернулась в кровать, одетая в хлопковые штаны и мягкую синюю футболку Лукаса, в которой любила спать. Натянув одеяло до плеч, я перевернулась на бок, держа телефон у уха. Жалюзи на окне моей спальни были опущены, но рейки были открыты, и сквозь них я видела, как ленивые снежинки падали на землю.

Лукас поднял свой телефон через минуту после того, как я сделала это.

— Привет.

— Привет. — Я устроилась уютнее в кровати, прижав колени к груди. *Если бы он был здесь, он бы обнял меня, и мне было бы тепло. Мы бы смотрели, как падает один и тот же снег, и дышали одним и тем же воздухом, и наши головы лежали бы на одной и той же подушке.*

— У вас идет снег?

— Еще нет. Я думаю, он должен ударить по нам завтра. У вас идет?

— Ага. За ночь примем еще шесть-восемь дюймов.

— Ты любишь принимать восемь дюймов за ночь.

— Ха-ха. Только когда они твои. Сейчас снег красивый, но я ненавижу его утром, когда пытаюсь доехать до работы.

— Я беспокоюсь, что ты ездишь по обледенелой дороге. Я бы хотел отвезти тебя завтра на работу. — Беспокойство в его голосе заставило меня улыбнуться. — Или еще лучше, настаивать, что погода слишком ужасная, чтобы покинуть дом, и потребовать, чтобы ты пропустила работу.

Я рассмеялась.

— Звучит идеально. Я бы тоже хотела, чтобы ты был здесь. На самом деле, нет. Я бы

хотела, чтобы мы оба оказались в Майами. Я так чертовски устала от этого холода.

— Так давай встретимся в Майами на выходные.

— Ха. Верно.

— Почему нет? Весь этот холодный снег под твоими сапогами завтра утром, может превратиться в теплый песок под твоими пальчиками завтра вечером.

— Ммм, так соблазнительно.

— Так соглашайся. Я серьезно.

Он серьезно? Я сощурилась в темноте своей комнаты.

— Ты что? Разве ты забыл с кем говоришь? Это я, мисс «я-планирую-все-заранее». Я не могу взять отпуск, не составив, по крайне мере, десять списков по поводу него, — сказала я в шутку, но в значительной степени это была правда. Я не была тем типом девушек, что неожиданно отправляются путешествовать, особенно не на самолете. Только мысль об этом заставляла мое левое веко дергаться.

Лукас вздохнул.

— Да, да, я знаю. Спонтанность — это не твое.

Он казался таким разочарованным, что я почувствовала себя плохо.

— Ты знаешь, я хочу… я просто не могу. На этих выходных я должна работать.

— Ты не должна извиняться, все в порядке. Я знаю, с кем говорю. Я просто скучаю по тебе, вот и все.

— Я тоже скучаю по тебе. — Я закрыла глаза, растворяясь в медленной, теплой тишине его дыхания, пока ледяной ветер свистел за моим окном. *Если бы он был здесь, я бы перевернулась и положила голову на его голую грудь, и слушала его сердцебиение.*

— Знаешь, — сказал он мягко, и я фантазировала, что могу чувствовать вибрации его голоса своей щекой, — иногда я хочу не разрывать наш звонок до самого утра, чтобы проснувшись утром, я мог слышать твое дыхание.

— Правда? — тепло разлилось глубоко в моем животе. — Это делает меня счастливой.

— Хорошо. Я хочу делать тебя счастливой, Миа. Каждый день.

Мои глаза широко открылись. Каждый день? Что он имел в виду? Я закусила нижнюю губу и думала, как ответить. Что, если он на что-то намекал?

Слишком не радуйся. Может, он просто планирует чаще тебя навещать.

Что было совершенно нормально, ведь мне нравилось все это, но я бы солгала, если бы сказала, что не хотела немного больше уверенности в будущем, что нас ждет.

Когда мы согласились попытаться построить отношения, я должна была отказаться от мечты выйти замуж и начать семью к тому времени как мне исполнится тридцать. Таков всегда был мой план, но Лукас был очень откровенен насчет своего отвращения к барку, двойственности его чувств о том, чтобы иметь семью, и его раздражительности по поводу, как он их называл, «мои жизненные сроки». Из-за того что я так сходила с ума по нему, и нам было так весело вместе, я согласилась перестать беспокоиться о будущем и просто наслаждаться друг другом, когда мы могли.

Но восемь месяцев спустя, это все еще не было для меня естественно. Каждый раз, когда мы были вместе, я еще сильнее влюблялась и молча желала, чтобы он пересмотрел свои убеждения о будущем. Потому что, хотя он сказал в Париже, что «для нас все возможно», я чувствовала себя немного тревожно из-за таких, ничем не ограниченных отношениях. Мы не встречались с другими людьми, но я понятия не имела, что он на самом деле думал о… нас. К чему это ведет. И так как наше время визитов было ограничено, я не рисковала снова

поднять тему будущего, не желая испортить наши драгоценные дни вместе тяжелыми разговорами или хуже того, спорами.

— Так тихо. Ты уснула?

— Нет. Просто думала о том, что ты сказал. — Я сделала глубокий вдох и продолжила: — Счастье каждый день — звучит изумительно.

Я надеялась, что он разовьет эту тему, но когда он не сделал этого, я прикусила губу, прежде чем спросила, изменил ли он свое мнение о женитьбе и семье. Это было не тем, что я хотела обсуждать по телефону в середине ночи, когда завтра у меня назначена встреча рано утром. Но в глубине души я знала, что если мы продолжим эти отношения, мы должны будем поднять эту тему.

Скоро.

В противном случае, мне придется подготовить себя к разбитому сердцу, потому что не имеет значения, как сильно я любила Лукаса, я не хотела ради него отказываться от того, чтобы иметь семью, и я не думаю, что он бы попросил меня об этом. Это не должно случиться сразу — я не ставила каких-то сроков по этому поводу, но я должна была знать, хотел ли он этого для нас. Потому что если нет…

Нет. Даже не думай об этом.

— Я должен отпустить тебя, любимая, — сказал Лукас нежно. — Ты так рано встаешь.

Из-за прощания каждую ночь в моей груди болезненно кололо, но я знала, что он был прав. И я правда не доверяла себе по поводу того, чтобы не поднять тему будущего.

— Хорошо. Поговорим завтра. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

Я закончила звонок и положила телефон на тумбочку, мой мозг все еще был зациклен на одной мысли.

Я хочу делать тебя счастливой каждый день.

Холодок прошелся по моим рукам, и я сильнее закуталась в одеяло. Каково это будет просыпаться рядом с Лукасом каждое утро? Засыпать в его объятиях каждую ночь? Знать, что после тяжелого дня на работе он будет ждать меня с бокалом вина, готовый выслушать и обнять?

Или отшлепать.

Это тоже было бы хорошо.

Я улыбнулась, представляя все веселые штучки, которые мы с Лукасом могли бы изучить, если бы у нас было неограниченное количество дней и ночей вместе. Боже, я хотела этого. Будет ли он считать меня безумной, если я подниму этот вопрос? Ведь, несмотря на то, что мы встретились в июне прошлого года, если собрать все время, что мы действительно провели в реальном присутствии друг друга, это будет меньше, чем месяц.

Месяц.

Я нахмурилась.

Да, это было чертовски безумно.

Плюхнувшись на бок, я ударила по подушке, чтобы взбить ее, но мне так понравилось что-то бить, что я продолжила делать это. *Что если это безумие? Я думала, что сесть на тот самолет в Париж тоже было безумием, но это привело меня к Лукасу. Может, мне нравится безумие. Может, оно мне к лицу. Может…*

Я замерла, мой кулак остался в воздухе.

Может, я могла бы сесть на самолет на этих выходных. Может, я могла бы поехать в

Нью-Йорк, чтобы сделать сюрприз Лукасу и заставить его понять, что мы идеальны друг для друга, и сейчас самое время, чтобы решить, куда мы направляемся. (Я также могла принять эти восемь дюймов, которые так хотела).

Безумно? Возможно.

Но это было очень спонтанно. А Лукас любит спонтанность так же, как я люблю списки.

Поэтому после нашего сумасшедшего, спонтанного Я-Не-Могу-Поверить-Что-Ты-Здесь секса на полу гостиной, может, мы составим список плюсов и минусов о жизни в Нью-Йорке, а затем такой же о Детройте.

Секс и списки.

Мои трусики уже были мокрыми.

Глава 2

— Что с тобой? — спросила Коко, как только наша потенциальная клиентка оказалась вне пределов слышимости. Мы сидели рядом друг с другом в кабинке в нашем любимом месте, завтракая перед работой. Обычно запах крепкого кофе и булочек с корицей заставлял меня пускать слюни, но этим утром у меня не было аппетита.

Я изогнула брови и подняла свою чашку с кофе, которая все еще была почти полная.

— Ничего. Почему ты спрашиваешь?

Она закатила глаза.

— Потому что я знаю тебя. И на протяжении всей встречи ты продолжала просить Карен повторить то, что она сказала, или говорила то, что было надо было сказать несколько минут назад. Ты перестала делать заметки на середине встречи и вместо этого машинально рисовала знаки вопроса, и ты назвала ее Шэрон, когда прощалась с ней. Ничего из этого не похоже на тебя. — Она положила свою руку мне на лоб. — Ты хорошо себя чувствуешь?

— Боже, я назвала ее Шэрон? — я скривилась и поставила свою кружку, так и не сделав глотка. — Дерьмо.

— Да. — Она опустила руку. — Но к счастью, я не думаю, что ее это озаботило. Наши идеи впечатлили ее достаточно, чтобы нанять нас. Нам только нужно отправить договор в ее офис во второй половине дня, со сметой и некоторыми деталями. Я позвоню в DAC, чтобы узнать, свободны ли те даты, что она выбрала. — Может, ты сможешь проверить группу?

— Конечно, — пообещала я. Под морем вопросительных знаков в моем блокноте — я больше предпочитала писать от руки — я написала напоминание, чтобы позвонить в агентство по поиску музыкантов. Я действительно хотела удовлетворить этого клиента.

Карен Уайт была специальным координатором мероприятий по просвещению людей касательно проблемы рака груди и куратором исследовательского фонда. Их ежегодный сбор средств был весьма удачным делом для «Девин Ивентс», мероприятие которое мы с Коко проводили вместе. Большинство наших клиентов были невестами, но я знала, что если Карен останется довольна, это приведет к более высококлассным мероприятиям. Она связалась с нами после того, как посетила свадьбу в ретро-стиле, которую мы спланировали прошлым летом, и это была идея Коко предложить им тему: Ревущие двадцатые/Великий Гэтсби[2] для сбора средств. И Карен это понравилось.

Но Коко была права — я была полностью отвлечена, не в состоянии сконцентрироваться на встрече. Я не хотела думать о группах и кейтеринге, об устройстве аукциона. Я хотела думать о том, чтобы жить с Лукасом. О том, чтобы пить кофе вместе каждое утро и смотреть телевизор на диване по вечерам. О том, чтобы делить место в шкафу и полочки в ванной, и кусок мыла в душе.

Ммм, душ…

— Миа, — Коко была раздражена. — Какого черта? Ты не слышала ни слова из того, что я сказала! — ее выражение лица становилось встревоженным, и она понизила голос до шепота. — О боже. Ты не беременна?

— Что? Нет! — это рассердило меня. — Я не беременна. Я просто отвлеклась. — Я засунула руку в свою сумочку, вытащила кошелек и достала наличные, чтобы заплатить. — Пойдем, пора возвращаться в офис. Я все тебе расскажу.

Мы положили деньги на стол и посильнее закутались в наши пальто от февральского

мороза. Зима была очень холодная, снежная, и я тосковала по дню, когда на работу я надену туфли, а не ботинки. Мы прошли по слякоти на стоянку, и я вспомнила предложение Лукаса о поездке в Майами, чтобы я могла почувствовать тепло песка под своими ступнями. Почему, черт побери, я сказала нет? Стуча зубами от холода, я открыла пассажирскую дверь и скользнула в ярко-красный «Фольксваген Битл» Коко.

— Ну? Рассказывай. — Она повернула ключ в зажигании и двигатель ожил.

— Расскажу. Включи подогрев сидений. Мне нравится, как твоя машина греет мою задницу.

Она усмехнулась и отрегулировала ручку на приборной панели.

— Готово. Твои булочки будут поджарены через мгновение.

— Спасибо тебе. Ладно, прошлой ночью я разговаривала с Лукасом по телефону, — начала я, когда она дала задний ход, — и…

— Еще больше секса по телефону? — ее брови исчезли под ее челкой в стиле Бетти Пейдж[3]. — Рассказывай. — Коко была очарована моей сексуальной жизнью, особенно после того как отреклась от секса в своей. Последние несколько лет она встречалась с вереницей придурков, и сказала, что устала от хорошего секса с плохими мальчиками.

— Если хочешь знать, да, но это не то что сделало меня рассеянной после того как мы, — я махнула рукой в воздухе, — ну, ты понимаешь, закончили эту часть, он сказал…

— С игрушкой или без?

— Иисус, Коко. Тебе и правда нужно покончить со своим воздержанием.

— Это не воздержание. — Она звучала почти обиженно. — Я просто жду того, кто будет достоин этого. — Она дважды шлепнула себя по бедру. — Теперь продолжай рассказывать. И не пропускай часть с сексом.

Я закатила глаза.

— Ладно. Без игрушки. — Лукас отправил мне первый вибратор на мой день рождения прошлой осенью (Не спрашивайте, как я провела двадцать восемь лет без вибратора). Он назывался «Gigi 2». Но я предпочитала называть его «Лукас 10».

Он сказал, что я польстила ему, но я сказала, что лучше знаю, что ощущаю.

— Но самая важная часть этой истории не секс, — настаивала я, пока мы проезжали Браш-парк, исторический район Детройта, где располагался наш офис.

Она посмотрела на меня.

— Что он сказал?

— Он сказал, что хочет делать меня счастливой каждый день.

— Что это значит?

— Я точно не знаю, он не объяснил это. Но я задаюсь вопросом, значит ли это, что он готов взять на себя более серьезные обязательства. — Я играла с ремешком своей сумки от ноутбука. — Как, например, жить вместе.

— Он упоминал это прежде? — я слышала удивление в ее голосе.

— Нет, — признала я. — Но прошло восемь месяцев. Ты не думаешь, что он уже готов, по крайней мере, поговорить об этом?

Коко пожала плечами, когда заехала на небольшую стоянку возле отреставрированного дома в викторианском стиле, в котором располагался офис «Девин Ивентс».

— Может, но это также может означать, что он хочет делать тебя счастливой каждый день, когда ты здесь, а он там.

Я застонала.

— Ты убиваешь мою эйфорию, Коко.

Она заглушила двигатель.

— Извини. Я просто не хочу, чтобы ты возлагала надежды на то, что может не случиться. Я знаю, как ты относишься к таким вещам.

Это немного раздражало. Меня всегда будут судить за ошибку с Такером? Или критиковать за то, что жду того, с кем смогу провести вечность?

— Я не отношусь к этому так как раньше, Коко. Я не выбираю узоры на фарфоровой посуде или что-то такое, но я люблю его, и я хочу знать, есть ли у нас будущее. Будущее важнее, чем секс по телефону или редкие выходные вместе. — Мой голос был полон раздражения, и Коко похлопала меня по ноге.

— Ладно-ладно. Не расстраивайся. Я на твоей стороне. И мне нравится Лукас. Если ть хочешь поговорить с ним о том, чтобы жить вместе, тогда действуй. Что плохого может случиться?

— Эм, он может взбеситься и убежать в другом направлении.

Она пожала плечами.

— Может. И это риск, на который ты должна пойти. Но он может удивить тебя. Может, он готов поговорить об этом. Думаю, все зависит от того, как ты подойдешь к этому. — Мы собрали наши вещи, и Коко взяла меня под локоть, когда мы шли по парковке и дальше по ледяному тротуару. — Но у меня есть к тебе вопрос. Представим, что он соглашается съехаться с тобой. Представим, что это восхитительно, и ты влюбляешься еще больше. Затем что? Этого тебе будет достаточно? Или ты захочешь следующее обязательство?

Я вздохнула.

— Честно говоря, я не знаю. Я просто знаю, что хочу большего. И я чувствую, как будто… если мы съедемся вместе, и все будет великолепно, то, вдруг он задумается и об остальных вещах.

— Просто будь осторожна, ты не должна преподнести это так, будто он должен измениться ради тебя, — сказала она. — Мужчины это ненавидят. Ты должна заставить его думать будто это его идея.

— Верно, — кивнула я. Я на самом деле не хотела менять Лукаса — я была от него без ума. Я просто хотела, чтобы он изменил свое мнение о том, чтобы быть с кем-то навсегда, а именно со мной. Это было не одно и то же, не так ли? — Какой, по твоему мнению, лучший способ, чтобы преподнести это?

— Хммм. — Она обдумывала, когда мы поднимались по цементным ступенькам переднего крыльца. — Расскажи мне точно, как все осталось в последний раз, когда вы говорили об этом.

Я открыла одну из стеклянных двойных дверей и показала ей жестом заходить первой.

— На самом деле мы не говорили об этом с Парижа. В тот момент мы простс согласились, что пусть вещи идут своим чередом, и мы посмотрим, к чему это приведет. Но он сказал, что все возможно.

— Ты можешь сказать ему, что ты несчастна? — она посмотрела на меня через плечо, когда мы поднимались по широкой скрипучей лестнице на второй этаж дома, где были наши кабинеты и место для встреч между ними.

— Ну, я точно не несчастна. — Я остановилась на площадке и обдумала вопрос. — Но я могу быть счастливее. Я думаю, что могу сделать его счастливее. Но также я думаю, что он боится даже подумать об этом, потому что он так долго был против женитьбы.

— Ну, мой первый совет избегать слова на букву «Ж», — сказала Коко с оттенком иронии, когда открыла дверь в свой офис. — Но ты можешь сказать, что ты несчастна, потому что вы живете так далеко друг от друга, и о том, что хочешь большего.

Мой желудок подпрыгнул, и я положила руку на него.

— Я думаю, что должна, иначе это сведет меня с ума. Ты будешь в порядке, если я уеду на этих выходных? У нас ведь будет та свадьба в яхт-клубе.

— Ты думаешь об этих выходных? — ее глаза расширились. — Ничего себе. Похоже ты настроена решительно.

— Да, я знаю, что это немного внезапно. Но я чувствую, что между нами что-то не решено, как будто мне нужно знать. Я провела восемь месяцев, не предъявляя требований и не задавая вопросов о будущем, и думаю, я имею право попросить его подумать немного наперед. Это справедливо, так ведь?

Коко кивнула.

— Да, думаю, справедливо. Действуй.

Я бросилась ее обнимать, чему препятствовали наши зимнее пальто, сумки с ноутбуками и наши дамские сумочки.

— Ты лучшая. Спасибо тебе.

Она рассмеялась, когда вернула равновесие.

— Пожалуйста. Удачи.

Мой телефон звонил, когда я вошла в свой офис, и я быстро стала заниматься делами: оформила, сделанный в последний момент заказ на вечеринку по случаю ухода на пенсию в марте, корпоративное мероприятие в июле и свадьбу в октябре. Я позвонила Карен Уайт, извинилась за свою невнимательность этим утром и согласовала детали ее контракта. Я только собиралась отправить ей его по электронной почте, как Коко ворвалась в мой офис, закрыла дверь, оперлась на нее и со взглядом ужаса на лице сказала:

— Не покидай меня.

— Что? — захваченная врасплох я указала на стул перед своим столом. — Присядь, что с тобой?

Покусывая губу, она подошла и села, скрестив ноги, которые сегодня выглядели даже длиннее, чем обычно, в короткой черной кожаной юбке и черных чулках. Я знала, что было под этой юбкой: эти чулки держались на подвязках, потому что Коко думала, что современные колготки самые ужасно выглядящие вещи во вселенной, и она отказывалась носить их. Ее коллекция нижнего белья выглядела так, будто она унаследовала ее от Мэрилин Монро. На самом деле, это можно было сказать о большей части ее гардероба.

— Я напугана насчет Нью-Йорка.

— Почему? — спросила я, закрывая лэптоп. — Ты думаешь, что не справишься одна со свадьбой?

— Нет, не из-за этого. Но я думаю, что, если он поймет, какая ты удивительная, то решит, что вы должны жить в Нью-Йорке. Я напугана, что не управлюсь в этом бизнесе без тебя, Миа. Моими профилирующими предметами были история и английский.

Я закатила глаза.

— Даже не думай. Ты знаешь, что ты безумно умная.

Она покачала головой.

— Ты мозг в этом бизнесе.

— Это неправда, Коко. Я на самом деле думаю, что ты более креативная из нас двоих. Я

хороша в деталях и организации, но у тебя восхитительное видение и коммуникативные навыки. Я еще не планирую никуда уходить, но не имеет значения, что случится, я знаю, что ты управишься с этим бизнесом. Также ты всегда можешь найти нового партнера. Или просто бухгалтера.

— Но это будешь не ты. Что, если я не найду того, с кем смогу так же хорошо работать? Мы так идеально подходим друг другу.

— Это правда. Но это не значит, что ты не сможешь найти хорошего помощника. И я не собираюсь оставить тебя в беде.

Она закусила губу.

— Обещаешь?

— Обещаю. Если даже порассуждать, мне нужно будет подумать о многих вещах, но наш бизнес будет в верхней части списка. Я вложила много крови, пота и слез в «Девин Ивентс». Мое имя на нем. Это была моя мечта начать что-то подобное, и это ты поверила в меня, в нас, вложив свое наследство. Я так легко от этого не откажусь.

Коко покачала головой.

— Дело не в деньгах. Я просто… напугана. — Она опустила плечи. — Я буду чувствовать себя такой потерянной без тебя здесь.

— Эрин все еще будет здесь.

— Я знаю. Я люблю Эрин. Но она наслаждается преподаванием. Она не уйдет с этой работы, чтобы работать со мной.

— Нет, — сказала я. — Но она будет здесь для тебя, кода понадобится помощь. — Она любит, когда мы привлекаем ее к работе на наших мероприятиях.

Это вызвало грустную улыбку.

— Верно.

— Помнишь тот раз, когда мы заставили ее одеться в Золушку на день рождения избалованной шестилетней девочки в загородном клубе, когда агентство по поиску актеров облажалось?

Ее улыбка расширилась.

— Да. Боже, она так злилась на нас.

— Ну, поделом ей за то, что родилась с внешностью принцессы Диснея.

Коко широко улыбнулась и выдохнула.

— Извини, Миа. Я не должна была обременять тебя своими беспокойствами. Ты должна принять свое собственное решение, я знаю это.

Я покачала головой.

— Еще не нужно принимать никакое решение. Не сглазь.

Коко встала.

— Игнорируй меня, я просто эгоистка. И у меня ПМС. Моей первой реакцией была паника, что мне придется одной управлять бизнесом, но кто знает? Может, это будет хорошо для меня, так же как тебе научиться переставать планировать каждую минуту своей жизни.

Я изогнула бровь.

— Пытаешься избавиться от меня?

Она пожала плечами.

— Да. Я бы сказала, что десять лет дружбы достаточно.

С облегчением я снова открыла лэптоп.

— Выпьем после работы? Я напишу Эрин и узнаю, встретится ли она с нами.

— Звучит как план.

— Эй, прямо сейчас я отправляю договор Карей Уайт. Почему бы тебе не взять это в свои руки? Я здесь, чтобы помочь, но ты сможешь посмотреть, как справишься с этим сама.

Она кивнула, ее улыбка была счастливой, но не совсем уверенной.

— Хорошо.

Как только она ушла, я отправила договор, написала Эрин и залезла на сайт «kayak.com», чтобы посмотреть рейсы до Нью-Йорка.

Черт.

Ближайшие рейсы были не дешевые, а летать для меня было сродни мучению. Должна ли я сделать это? Я закусила нижнюю губу, когда обдумывала возможные исходы.

То, что может случиться в Нью-Йорке в эти выходные:

1) Он говорит категорическое нет. Бросает меня. Я пью вино.

2) Он говорит «может, однажды». Хочет больше времени, чтобы подумать. Я пью вино.

3) Он говорит искренне да. Мы ищем квартиру на следующий день. Я пью вино.

4) Он говорит «нет». Я взрываю его мир захватывающим примером будущей жизни. Он меняет свое мнение. Я пью вино.

5) Он говорит: «О боже мой, да, я как раз собирался предложить, знаешь, ты сексуальная, искрометная, веселая, божественная женщина, пожалуйста, будь моей навсегда и носи это безупречное бриллиантовое кольцо от Тиффани, как небольшой знак моей вечной любви и привязанности и давай тайно поженимся завтра!». Мы занимаемся диким сексом. Я пью вино.

Видите? Несмотря ни на что, будет вино. Но мой желудок не успокоился. Курсор соблазнительно завис рядом с кнопкой покупки. Я вспоминала себя ребенком, когда стояла на высоком выступе, глядя на бассейн под ним и ища в себе смелость прыгнуть. У меня заняло три лета, чтобы забраться туда, что-то пробормотать в нерешительности и спуститься вниз по лестнице от стыда, прежде чем я набрала достаточно мужества, чтобы прыгнуть. И когда я это сделала, это было невероятно, я была так зла на себя, что так долго тянула.

Ладно. *На три.*

Раз. Два.

Глубокий вдох.

Три.

Я прыгнула. У меня был беспересадочный полет из Детройта до «Ла Гуардия» через двадцать четыре часа, и хоть улыбка превратилась в краткую гримасу, когда я увидела изменение баланса моей кредитки, я отбросила в сторону сомнения.

Это правильно. Я чувствую это.

Мой телефон завибрировал от сообщения от Эрин:

Я не уверена насчет того, чтобы выпить сегодня. У меня появляется член.

Я рассмеялась, сделала скриншот и отправила Коко. Опечатки Эрин и неудачи с автокорректором было предметом шуток среди нас. Я написал ей ответ.

Я: *Рада слышать это. Прошло много времени.*

Эрин: *О боже мой! Я ненавижу этот глупый новый телефон.*

Я смеюсь над этим. Эрин всегда обвиняет свой «новый» телефон, хотя он у нее уже несколько месяцев.

Я: *Жаль слышать, что ты болеешь. Как насчет бокала вина в медицинских целях?*
Эрин:*Думаю, можно. Или коктейль.*
Я: *Здорово. Давай встретимся в «Sugar House» в 18:00?*
Эрин: *Хорошо. Станцуешь мне тверкинг там.*
Я так сильно засмеялась, что едва смогла ответить.
Я:*Ты знаешь, как я люблю тверкинг.*
Эрин: *Что? О боже мой, как вообще это слово оказалось в моем телефоне?*
Я: *ЛОЛ. Увидимся в шесть. У меня есть новости. <3*

#

После выпивки с девочками, я помчалась домой, чтобы собрать вещи, я была все еще немного застигнута врасплох тем фактом, что так скоро лечу в Нью-Йорк. Это было так не похоже на меня! Но также это возбуждало — Лукас поймет, что влияет на меня во всех хороших смыслах, и возможно, признает, что я тоже оказываю на него влияние. Может, он скажет, что понял значение разговора о будущем со мной.

Искрясь энергией, я достала из шкафа свой маленький красный чемодан и поставила в центре своей спальни. Затем я открыла его и начала заполнять вещами, которые хотела бы надеть на этих выходных, даже без составления списка! Лукас будет гордиться мной, когда я расскажу ему? Пританцовывая вперед-назад от комода к шкафу и затем к моему чемодану, я забросила джинсы, несколько топов, пару туфель на шпильках и пару балеток. Сверху я положила черное обтягивающее платье в случае, если мы пойдем куда-нибудь в красивое место, а в сумку с нижним бельем я сложила несколько тщательно отобранных предметов из моего «Гардероба для секса по телефону».

Потому что не выходить из дома было тоже неплохо.

Глава 3

Мой рейс был задержан, и я прибыла в Ла Гуардия в шесть вечера в пятницу, что означало, что движение было ужасным. Когда мое такси потихоньку перемещалось из Квинса в Манхэттен, я написала Коко, сообщая, что хорошо добралась.

Я: *Я здесь. Полеты — отстой.*

Коко: *Все было так плохо?*

Я: *Гребаная турбулентность. Что, черт побери, за непредсказуемое движение воздуха? Как воздух может быть непредсказуем?*

Коко: *По крайней мере, ты там. Ты сейчас едешь прямо к нему в квартиру?*

Я: *Да. Сейчас в такси.*

Коко: *Дай мне знать, как все пройдет. Люблю тебя!*

Я: *Я тебя тоже.*

Я заблокировала телефон и уставилась в окно, наблюдая за тем, как высотные пейзажи Мидтауна превращаются в очаровательные ряды домов девятнадцатого века в Гринвич-Виллидж. Мне нравились деревья вдоль улиц и окрестности этой местности нравились мне гораздо больше, чем переполненные тротуары и небоскребы верхнего Манхэттена. Если Лукас согласится съехаться со мной и захочет остаться в Нью-Йорке, я определенно хочу поискать квартиру где-то здесь. Сейчас у него хорошая квартира, но очень маленькая. Нет нормальной кухни, в гостиной место только для дивана и только один шкаф во всей квартире.

Совершенно недопустимо.

Было трудно поверить, что он делил эту квартиру со своей бывшей девушкой целый год, прежде чем они расстались.

При мысли о Джессике — я даже не могла подумать о ней, не сморщив нос — я некомфортно заерзала на сиденье. Лукас встречался с ней три года, прежде чем они расстались в основном потому, что она хотела замуж, а он нет. Беспокойство закружилось в моем желудке.

Прекрати это. Это не то же самое. Ты не приехала сюда с ультиматумом, ты приехала просто, чтобы удивить его и поговорить.

— Вот здесь, пожалуйста, — сказала я водителю, когда в моем поле зрения появилось здание Лукаса. Я расплатилась, вышла из такси и застегнула пальто до подбородка. В Нью-Йорке еще не было столько снега, сколько выпало в среду ночью в Детройте, но было очень холодно.

Я тащила свой маленький чемодан вверх по крыльцу его красного кирпичного дома, улыбнувшись, я представила его реакцию, когда он увидит меня у двери. Но наверху мое лицо поникло.

Дерьмо. Мне нужно позвонить в домофон, чтобы попасть внутрь.

Я не подумала об этом. Мой сюрприз может быть разрушен до того захватывающего «Посмотри Какая Я Спонтанная» момента, который по моему плану, должен был произойти в коридоре возле двери его квартиры. Такого эффекта уже не получится, если я объявлю о своем прибытии через домофон. Могу я притвориться кем-то другим? Позвонить в другую квартиру и объяснить ситуацию? Но в какую квартиру? Я больше никого не знала здесь.

Переступив с ноги на ногу, чтобы согреться, я подождала несколько минут, надеясь, что

кто-то выйдет. Когда мой нос и кончики пальцев начали неметь, я сдалась и нажала кнопку квартиры Лукаса.

Предвкушая его голос, когда он спросит, кто у двери, я была поражена, когда он запустил меня, не сказав ни слова. Может, он кого-то ждал?

Подперев дверь своей задницей, я затащила свой чемодан внутрь, затем поднялась на третий этаж. Здание, которому, вероятно, было около двухсот лет, было разделено на квартиры по обе стороны узкой лестницы, которая со временем накренилась. Но мой чемодан был маленьким и легким, а адреналин зашкаливал, поэтому я преодолела последние несколько ступенек две за раз.

У его двери я сделала глубокий вдох. *Я на самом деле здесь! Я увижу его через секунду.*

Я подняла руку, чтобы постучать.

После нескольких быстрых стуков я отступила, мое сердце с грохотом стучало в груди, а на моем лице была идиотская улыбка. Я не видела его месяц, и теперь собираюсь, черт пробери, наброситься на него.

Ничего.

Я снова постучала, на этот раз немного громче.

Ничего.

Какого черта? Он пустил меня, не так ли? Поэтому он знал, что кто-то поднимется. Я проверила дверь — закрыта.

Нахмурившись, я постучала в третий раз, пятью резкими ударами.

— Ладно, иду! — крикнул женский голос за дверью.

Моя челюсть упала. Какого черта?

Голос был женским.

Так же как и тело, что открыло дверь.

Женщина. С мокрыми волосами. И одетая в халат.

Я уставилась на нее, не моргая.

— Ох. — Ее идеально выщипанные брови приподнялись в удивлении. — Я думала, это Лукас. Могу я чем-то помочь?

Мои глаза опустились на полотенце в ее руках. Она поднесла его к концам своих мокрых волос, выжимая их. Это было сине-белое полотенце в полоску. Я знала его. Я использовала его, после того как принимала здесь душ.

Это было мое гребаное полотенце.

Моя шея покраснела под моим пальто.

— Лукас здесь?

— Нет. Он вышел по делам. Он ждал тебя? — девушка лет двадцати шести с голубыми глазами, чистой кожей и длинными пшеничными волосами озадаченно смотрела на мой чемодан.

Моя кровь закипела. Я стояла в своей мешковатой шапке с цветком на боку, в своем зимнем пальто и сапогах в снегу, нос красный от холода, а у Лукаса в квартире Русалочка, свежая из душа, ее щеки раскрасневшиеся от тепла. Держит мое полотенце.

Кто она, черт побери?

Я тяжело дышала через ноздри.

— Могу я спросить, кто ты?

Девушка на мгновение выглядела опешившей, но ответила:

— Я Джессика. А ты?

Имя ударило меня, как будто кулаком в зубы. Джессика. Гребаная Джессика здесь, в его квартире.

Нет, нет, нет. Этого не могло случиться. Джессика не была частью «Спонтанного плана».

— Я Миа. — Я ждала ее реакцию на мое имя, конечно же Лукас упоминал обо мне.

Она выглядела озадаченной.

Не может, черт побери, быть. Он не рассказывал обо мне?

— Миа Девин, — продолжила я, ощетинившись. — Его… его… — слово «девушка» застряло в горле. Но я была его девушкой, так? Мы были влюблены восемь месяцев! Только потому, что он не любил ярлыки, не значило, что я не могу использовать их.

— Его… — подсказывала Джессика.

— Его девушка, — я вызывающе выпрямилась и посмотрела в ее глаза. — Я живу в Детройте.

Она выглядела удивленной.

— У Лукаса есть девушка в Детройте? — она сказала это так, будто у него могло быть по девушке в каждом другом городе, и если я не ненавидела ее прежде, то сейчас точно испытывала это чувство.

— Да. У него есть. Он никогда не упоминал меня?

Она пожала плечами.

— Нет, хотя я здесь только несколько дней.

Что? Несколько дней? И он не упоминал обо мне? Мое сердце рухнуло как хижина в результате землетрясения.

Лукас изменял мне?

Нет, подождите. Должно быть это какая-то ошибка.

— Ты в Нью-Йорке… несколько дней? Или здесь… — сказала я медленно, указывая на квартиру за ее плечом, — несколько дней.

— Здесь. В квартире.

Это было мое воображение, или она выглядела немного самодовольной, прояснив это? И я заметила, что она не назвала это его квартирой, а сказала просто «квартира». В моей груди заныло еще больше.

— Я вижу. И когда вернется Лукас?

— С минуты на минуту. Хочешь зайти и подождать? Я только вышла из душа, поэтому мне надо одеться, но ты можешь подождать в гостиной. — Ее милое выражение лица было такой же подделкой, как и ее тон, которые говорили мне, что она наслаждается моим неверием, по поводу того, что мокрая девушка в халате говорит мне, что я могу подождать в гостиной квартиры своего парня.

На краткое мгновение я задумалась о том, чтобы стукнуть ее чемоданом и убежать, но я очень хотела потребовать объяснений от Лукаса. Отношения на большом расстоянии требуют определенного доверия, которое, я думала, у нас было, но это казалось неправдой.

— Спасибо, — сказал я уныло. Она отступила в сторону, пока я затащила чемодан через порог и закрыла за собой дверь.

Затем она прочистила горло.

— Ну, я буду в спальне. — Она пошла в спальню — спальню Лукаса! — и закрыла за собой дверь.

Его спальня? Что за дерьмо? Джессика остановилась в его квартире, и он не сказал мне

об этом? Как долго он планировал хранить это в тайне? И почему он не рассказал ей обо мне? Он спит с ней? Он не мог. Он просто не мог. Такая двуличность казалось совсем не похожей на него, но я начала задаваться вопросом, знала ли я его так хорошо на самом деле. Как хорошо ты можешь знать человека, когда встречаешься с ним на большом расстоянии, как мы? Конечно, мы много говорили, но я слышала только то, что Лукас решал говорить мне.

Мои руки и ноги дрожали, когда я сняла свою шляпу и перчатки и бросила их в свою сумку. У меня не очень хорошо обстояли дела с сюрпризами, даже с хорошими, а это был полный отстой. Хоть я и не была той, кто предполагает худшее в любой ситуации, очевидность всего была не в мою пользу. Чувствуя себя извращенкой, решила поискать вокруг доказательства его измены.

Квартира была длинным прямоугольником. Спальня была в задней части, кухня в середине, а ванная напротив кухни. Вдоль одной стены был диван, а напротив камин, который больше не функционировал, и полка с книгами. Я искала возле дивана, надеясь увидеть доказательства в виде простыней или покрывал, подушка — хоть что-то, что скажет, что он спит здесь, а не с ней. Ничего.

Поглядывая на дверь спальни, я вошла в ванную и посмотрела в мусорную корзину. С отвращением к самой себе я заглянула внутрь нее, чтобы найти упаковки от презервативов или хуже того — использованные презервативы. В корзине не было ничего, кроме ватного диска и использованного розового станка. Каким-то образом это было почти как найти презерватив.

Она брилась! Она ждала близости с кем-то?

И он мог вынести мусор уже сегодня. Там могли быть десятки использованных презервативов.

Раздраженная, я вернулась в гостиную, расхаживая перед камином, скрестив руки на груди. Каждый раз, когда я вдыхала, могла почувствовать гребаный запах ее шампуня, он был до тошноты сладким.

Щелчок — ключ повернулся в замке. Я смотрела, как дверная ручка поворачивается и дверь открывается, затем посмотрела в глаза Лукаса, когда он вошел в квартиру.

Он выглядел радостно потрясенным.

— Миа! — он поставил бутылку вина — *гребаная бутылка вина???* — на небольшой столик и бросился ко мне. — Что ты здесь делаешь?

Мое сердце забилось быстрее, когда я увидела его — он выглядел так хорошо, так знакомо. Темные волосы в беспорядке, теплые карие глаза, черное шерстяное пальто, которое я помогла ему выбрать в прошлый раз, когда была здесь. И я могла представить каждый сантиметр его кожи под ним. Часть меня до смерти хотела обнять его, но я чувствовала также что-то незнакомое — злость. На самом деле, мы никогда не ругались.

Я отступила назад, вытянув руки.

— Я приехала, чтобы сделать тебе сюрприз.

— Сюрприз? — радости больше не было на его лице, когда он увидел мои вытянутые руки. Оно сменилось на замешательство, которое превратилось в панику, когда в спальне заработал фен.

Я многозначительно посмотрела через плечо в направлении шума и скрестила руки на груди.

— Потрудишься объяснить?

Лукас закрыл глаза на мгновение и выдохнул.

— Черт, Джессика. Я должен был рассказать тебе.

— Рассказать мне что? Что вы снова вместе? Что ты трахаешь ее? Что она переехала снова?

— Нет, нет. Конечно мы не вместе. — Он пытался положить руки на мои плечи, но я отстранилась, в результате чего между нами оказался кофейный столик.

— Тогда почему она здесь?

— Она здесь, потому что мы друзья. Ее тур закончился, и она вернулась в город, ей негде остановиться, пока она ищет квартиру. Она спросила, может ли остаться здесь, и я не мог ей отказать.

Ох, да, конечно ты мог.

— Правда. И ты не сказал мне о ней, потому что…

Цвет лица Лукаса потемнел, и он провел рукой по копне своих вьющихся волос, которые обычно я находила привлекательными.

Ладно, я все еще находила их привлекательными, что еще больше меня раздражало.

— Потому что я не хотел, чтобы ты расстроилась, — сказал он. — Это ненадолго, и я знаю, что ты думаешь о ней. Я не хотел беспокоить тебя.

— Я расстроена больше, потому что ты хранил это втайне от меня, чем, если бы ты рассказал! Я знаю, что ты чувствуешь вину из-за того, как все между вами закончилось, но это не значит, что ты должен приглашать ее жить с тобой! — я была достаточно громкой, поэтому он приложил палец к губам.

— Шшш. Я не хочу, чтобы она услышала тебя.

Гнев шипел под моей кожей.

— Ты также не хотел, чтобы она знала обо мне. Она сказала, что ты не упоминал обо мне. Почему?

Лукас поднял руки.

— Ты преувеличиваешь, Миа. Сейчас она просто друг, но у нас есть прошлое, и я не хотел, чтобы она знала интимные детали моей любовной жизни. Я решил не делиться тобой с ней, потому что это личные отношения.

— Херня! — взорвалась я. — Ты не рассказал ей, потому что не хотел, чтобы она знала, что ты больше не одинок! Ты хотел сохранить себя открытым для отношений.

Лукас застонал.

— То, что ты сейчас говоришь — безумие.

— Безумие? — я указала на спальню. — Она спит в твоей кровати, Лукас. Моется в твоем душе. Делит с тобой очень маленькое пространство. Нет ничего более интимного, чем это. Я не безумная, мне больно! И я зла!

— Я сплю на диване. — Сейчас его голос был громче. — Не с ней. Ты думаешь, я сделал бы это с тобой.

— Этим утром я была уверена, что не сделаешь, но сейчас не знаю. — Я снова огляделась вокруг. — Если ты спишь на диване, где постельное белье?

— Я убрал его утром. Это место и так маленькое, и без простыней и одеял, лежащих повсюду. Миа, пожалуйста. — Он обошел столик, в его глазах было раскаяние, и хотя мои руки были прижаты к телу, я позволила ему притянуть меня к своей груди. Его знакомый запах притупил немного моей злости. — Мне жаль, что ты приехала при таких обстоятельствах. Я не знал, что ты приедешь. Иначе я бы рассказал тебе.

Моя спина напряглась.

— Но если бы я не приехала, ты бы не рассказал.

Он вздохнул и попытался сжать меня сильнее.

— Ты раздуваешь из мухи слона.

Я оттолкнула его.

— Я не раздуваю. У тебя была тайна от меня. И ты хранил меня в секрете. — Я дернула головой в сторону спальни, где шум фена прекратился. — Ты сделал это нарочно, Лукас, и ты даже не сказал, что сожалеешь об этом, ты сказал, что сожалеешь, что я приехала при таких обстоятельствах.

Он потер рукой свой подбородок с щетиной, закрыв глаза и тяжело вдохнув, как будто я испытывала его терпение.

— Я просто не вижу смысла говорить тебе то, из-за чего ты будешь мучиться, то, с чем ты ничего не сможешь поделать.

— Итак, ты позволил ей остаться, хотя сам знал, что мне будет некомфортно из-за этого? — бросила я ему вызов.

— Это моя квартира. — Защитная нотка проскочила в его словах. А также ударение на слове «моя». — Она мой друг, я не думал, что у нас есть правила друг для друга в таких ситуациях, Миа. Правила насчет друзей, я имею в виду.

— Поняла. То есть ты будешь нормально относиться к тому, если я позволю Такеру остаться в моей квартире?

Лукас сжал губы вместе.

— Твоя квартира. Твой выбор. Это ко мне никак не относится.

Я, черт побери, не могла поверить в это. Я прошла мимо него и схватила свой чемодан. Этот разговор вел в никуда, и каждое слово, что он говорил, было мне как ножом по сердцу.

— Я совершила ошибку, приехав сюда. Сейчас я ухожу.

— Иисус, не делай этого. Не уходи. — Он встал позади меня и положил руки мне на плечи. — Отношения на расстоянии достаточно тяжелы. Я не хотел добавлять еще больше стресса. Это все.

— Ха! Ты сделал это для моего же блага. Понятно. — Развернувшись к нему, удивленная, что это был тот же самый мужчина, который говорил мне такие сексуальные и милые вещи каждую ночь. Что еще он скрывал?

— Так и есть, Миа. Ее присутствие здесь не навредит тебе.

Я фыркнула.

— Бьюсь об заклад, что наоборот.

— Послушай, она не угроза для тебя. И я никогда не верил, что пары должны рассказывать друг другу все, полная открытость не является здоровой в отношениях.

— Не начинай эти психологические профессорские штучки. Я никогда не просила о полной открытости. Я никогда ничего не просила! — Я положила руку на грудь. — Ты понимаешь, как тяжело было для меня влюбиться в тебя и не иметь возможности планировать наше будущее вместе?

— Мы снова возвращаемся к этому? Я думал, мы договорились принимать вещи такими, какие они есть.

— Мы договорились, Лукас. Но это было почти год назад! Как долго мы будем довольствоваться только редкими визитами на выходных? Когда мы будем говорить о большем?

— Например?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я подбросила руки в воздух, слова, которые я планировала сказать, застряли у меня в горле. Они не казались подходящими. Не так я представляла наш разговор — наполненный гневом и обвинениями.

— Я не знаю. Лукас. Просто… большем…

Теперь настал его черед скрестить руки.

— Когда мы встретились, я сказал тебе, как отношусь к женитьбе.

— Да, но, — мое лицо горело, — я думала, что, может, ты изменишь свое мнение на этот счет. В Париже ты сказал, что все возможно.

— Все это возможно в будущем, но мне нравится, как все обстоит сейчас.

— А что если мне нет?

Он сделал паузу.

— Что ты имеешь в виду?

Это значит, что я хочу быть с тобой каждый день, придурок! Это значит, что я хочу поговорить о нашей жизни вместе в одном месте! Почему ты не любишь меня так, как я тебя?

Но я не сказала это. Не когда в его квартире Джессика, не тогда, когда мы на взводе, не тогда, когда я знала, какой ответ получу. Гнев был гораздо безопаснее, чем придаваться боли. Я посмотрела на спальню, где я представляла, как Джессика прижала свое ухо к двери. Боже, как я могла совершить такую ужасную ошибку насчет него? Насчет нас?

Я тяжело сглотнула, пытаясь не разрыдаться.

— Ты… ты сказал, что хочешь делать меня счастливой каждый день.

— Хочу.

— Ну, сейчас я не счастлива, Лукас. Видеть тебя так редко. Пытаться любить, когда мы так далеко друг от друга все время.

— Ты знала, как все будет, когда соглашалась на это, Миа. Я не вводил тебя в заблуждение.

Порыв силы возник где-то внутри меня.

— Нет. Ты не вводил. Я сама ввела себя в заблуждение, думая, что смогу справиться с такими отношениями. Зная, что я чувствую к тебе. Я хочу большего, Лукас. Я заслуживаю большего. Я люблю тебя, но я не могу быть с тобой, если между нами нет будущего — того будущего, которого хочу я.

Он приложил обе руки к голове и застонал в раздражении.

— Почему ты говоришь только о том, чего хочешь ты? Почему мы не можем прийти к компромиссу?

— То, что мы делаем, это точно не компромисс, Лукас. Это то, чего хочешь ты — какие-то отношения на расстоянии как гребаные друзья. Я больше не могу выносить это! — И я больше не могла быть в этой квартире. Эти стены, они давили на меня. Запах старинной системы отопления и парфюм Русалочки душили меня. — Просто отпусти меня, Лукас. Мне нужно подумать.

Он покачал головой, его глаза расширены.

— Что это? Ты порываешь наши отношения?

Я не могла смотреть на него, иначе сломаюсь, поэтому я уставилась на бутылку вина, которую он поставил на столе. Это было красное вино с долины Роны, то, что мы обычно

пили вместе.

— Я не знаю. Мне нужно уйти отсюда.

— Позволь мне пойти с тобой. Мы можем снять отель. — Его голос был мягким. Но я не купилась на это.

— Нет.

Пауза.

— Ты этого хочешь?

Нет, не этого я хочу, осел! Я повернулась к нему спиной.

— Ты мог сказать мне, что она здесь. Ты должен был сказать. — Мне нужно было уйти, прежде чем я развалюсь на части, но как только я начала открывать дверь, Лукас оказался прямо позади меня, закрыв ее.

— Нет, я не позволю тебе уйти.

Боже, я ощущала его дыхание возле своего уха, и от этого по моей коже поползли мурашки. Я все еще так сильно хотела его, несмотря на все это.

— Пожалуйста, — умоляла я, не поворачиваясь. В моем горле застрял комок.

— Миа, ты преодолела весь этот путь. Ты села на самолет ради меня, а ты ненавидишь летать. Когда ты купила билет? — его голос был нежным и тихим.

Я сглотнула.

— Вчера.

Если он извинится, если он скажет, что хочет большего, если он просто скажет, что все еще любит меня…

Дверь спальни открылась, и я услышала звук каблуков по деревянному полу.

— Лук? Ты вероятно должен сходить в душ. У нас бронь на восемь часов, помнишь? Ох, извините. Я помешала?

Лукас отошел от меня, и я сжала кулаки. *Лук?* Я повернулась и увидела, что Джессика стоит в красивом черном платье, в черных колготках и черных туфлях на высоких каблуках. Ее рыжие волосы были выпрямлены. Они так блестели, как девушка с такими волнистыми волосами как у меня, никогда не сможет достичь, неважно, сколько времени мы проводим с феном или как много денег тратим на средства для волос.

Боковым зрением я посмотрела на Лукаса, который выглядел немного сконфуженным.

— У тебя сегодня ужин с ней?

— Мы будем не одни. У нас встреча с группой друзей.

— Как мило. — *Скажи, что отменишь его Лукас. Сделай это. Скажи, что хочешь быть со мной. Что тебе плевать на нее.*

— Ты могла бы присоединиться, — сказала Джессика без какой-либо искренности. — Только ты никого не знаешь.

Я уставилась на Лукаса в упор, ожидая, что он будет настаивать, чтобы я присоединилась к ним.

Но он колебался слишком долго.

— Я бы не хотела мешать, — я схватила бутылку со стола, подавляя соблазн прихватить ее с собой, но вместо этого сунула ее ему. — И, похоже, это очень многообещающий вечер. — С этими словами, я снова схватила свой чемодан и открыла дверь.

— Миа, подожди! — закричал Лукас.

Но я уже бежала вниз по лестнице, а мой чемодан стучал позади меня.

Глава 4

Конечно, когда я оказалась на улице, я понятия не имела куда идти. И шел снег. Было ужасно холодно. Темно. Часть меня хотела уйти как можно дальше от дома Лукаса, в случае если он планировал пойти за мной, а другая хотела пойти в бар напротив и сидеть прямо перед окном, чтобы точно можно было увидеть меня, если он будет искать.

Что? Не будь такой чертовски смехотворной!

Где-то внутри меня решила заговорить моя гордость. *Итак, он выходит, а ты сидишь здесь за стеклом, с грустным лицом как гребаный лобстер в банке, ожидающий, что кто-то купит и сварит его? Как жалко. Нет.*

Я должна признать, что это действительно было довольно жалко, но я хотела что-нибудь выпить, поэтому потащила свой чемодан по снегу и выбрала бар за углом в конце улицы. Когда я открыла дверь, то поняла, каким знакомым все это казалось — я, грустная и одинокая в чужом городе, думаю, что совершила огромную ошибку, приехав сюда, и ищу убежища в баре. Точно так же я чувствовала себя восемь месяцев назад в Париже. Инстинктивно я посмотрела на бармена, как будто это мог быть Лукас, и все будет в порядке.

Но конечно, все было не так.

Это была симпатичная брюнетка в облегающей майке со множеством татуировок на руках.

— Привет, — сказала она, наполняя шейкер с коктейлем льдом. — Садись, где найдешь место. Я подойду.

Я кивнула, выбрала пустой стул в конце бара и стала осматривать счастливых друзей и парочки. Три девушки за двадцать, в облегающих джинсах уселись слева от меня, смеясь над чем-то в своих телефонах. Это только потому, что я такая несчастная, я заметила, что в баре все очень счастливые? Хандрил ли кто-нибудь так же, как я?

Когда барменша вернулась, я заказала бокал красного вина, мечтая, чтобы это был Старбакс, и я могла выбрать Tall, Grande, Vendi и Trenta (прим. пер. размеры пластиковых стаканов). Потому что сейчас я нуждалась в бокале вина размером Trenta (прим. пер. самый большой). Лучше в нескольких.

Я вытащила телефон и, как только посмотрела на экран, увидела уже два текстовых и одно голосовое сообщение от Лукаса.

Первое сообщение было: *Где ты? Извини. Давай поговорим.*

Второе: *Я люблю тебя. Поговори со мной. Пожалуйста.*

В моем горле образовался комок, и я глотнула вина, чтобы избавиться от него. Оно было вкусным, но не таким, как Лукас обычно выбирал для меня. Он знал, какое я любила, или, может, рядом с ним все ощущалось вкуснее. Но вино — это вино, и оно было эмоциональной скорой помощью, поэтому я сделала еще один глоток, прежде чем прослушала его голосовое сообщение:

— Миа, это я. Где ты? Извини, что не пошел за тобой, я беспокоюсь, что ты там одна. Пожалуйста, поговори со мной. Я продолжаю думать о Париже, как я отпустил тебя, после того как мы вернулись из Прованса, и у меня заняло некоторое время, чтобы понять, что я должен сильнее бороться за тебя. Поэтому я пошел к тебе в отель… и сейчас я бы хотел сделать это снова, но понятия не имею где ты. Пожалуйста, позвони

мне. Люблю тебя.

Тот факт, что мы оба думали о Париже, сжимал мое сердце. Но это не меняло того, что он скрывал что-то от меня, что, по моему мнению, было важным, и он делал это целенаправленно. И скрывать меня от Джессики тоже было плохо. Он сказал, что хотел сохранить нашу романтическую жизнь приватной, но мне это не казалось правильным. Я могла понять, если бы он не говорил ей об интимных деталях наших отношений, но меня чертовски ранило, что он скрывал их существование — мое существование.

Я снова прослушала его сообщение, и оно все равно не удовлетворило меня. Ладно, он любил меня и сожалел, что не пошел за мной, но там не было никаких извинений за всю ситуацию с Джессикой и все болезненные вещи, что он сказал. *Он мог бы пригласить меня на этот ужин. Он мог бы отменить ужин. Мог сказать мне все откровенно, а не оставлять меня стоять как идиотку*.

Хотя его голос. Он со мной что-то делал. Как много ночей я слушала его и желала быть ближе к нему? А сейчас я была здесь, и он искал меня. Совершала ли я глупость, сидя в этом баре одна?

Мой телефон зажужжал. Еще одно сообщение от него.

Лукас: *Ты уедешь, даже не поговорив со мной? Это несправедливо*.

Я глотнула вино так быстро, что почти подавилась. Справедливо? СПРАВЕДЛИВО? Я нашла его хорошенькую бывшую, в моем полотенце в его квартире, готовую идти с ним на ужин, и он говорит о справедливости? Мои ноздри раздулись, что случалось только тогда, когда я была по-настоящему разгневана. Так как это было не очень привлекательно, я спряталась за бокалом вина, когда с жадностью пила.

Мой телефон снова завибрировал, и я посмотрела на экран, снова ожидая увидеть его имя. Но там было имя Коко.

Коко: *Где ты? Лукас только что звонил мне!*

Лукас звонил Коко? Что он сказал ей? Я набрала ее номер, и она подняла трубку после первого гудка.

— Миа?

Я заткнула свое левое ухо, чтобы лучше ее слышать.

— О боже мой, где ты, черт побери?

— Я в баре рядом с квартирой Лукаса.

— Бл*дь.

— Вот именно. Что он сказал, когда позвонил?

— Сказал, что вы поругались, и ты ушла. Он пытается найти тебя.

— Ха. Откуда у него твой номер?

— Думаю, я звонила ему, когда он однажды был в Детройте. Какого черта случилось? Он отказался съезжаться?

— Нет. У нас даже не было этого разговора. Я была отвлечена тем фактом, что там была его бывшая, чистая после гребаного душа.

Коко ахнула.

— Да ладно! Джессика?

— Эм, ага. Очевидно ее тур подошел к концу, так как она какая-то исполнительница, и она останется здесь на несколько дней, пока не найдет себе квартиру. — Только мысль об этом заставляла меня беситься снова и снова. Это было ненормально.

— И он не сказал тебе это?

— Нет. И он также не рассказал ей обо мне.

— О боже мой, что за придурок. Я не верю в это!

— Я тоже. Мои ноздри раздуваются.

— В это я верю. Как долго она там?

— Несколько дней.

— Ох. — Шок и злость покинули голос Коко. — Может, он собирался рассказать тебе.

— Хорошая попытка, но нет. — Я быстро рассказала Коко «рассуждения» Лукаса обо всей этой секретности. — Затем он сказал какую-то ерунду, что не хотел полную открытость в отношениях. Как будто я хотела узнать каждую мысль в его голове. Нет!

— Боже, что ты собираешься делать?

— Понятия не имею. Я хочу взять билет до дома, но…

— Не думаю, что ты сможешь. Лукас сказал, что они отменили рейсы из Нью-Йорка из-за снегопада.

— Дерьмо. Тогда останусь на ночь где-то на Манхэттене. Мне нужно найти отель. — *Еще больше гребаных денег на ветер.*

— Хорошо. Позвони мне или напиши, когда устроишься. Мне не нравится мысль, что ты бродишь по улицам Нью-Йорка одна.

— Ты говоришь как моя мама.

Коко слегка рассмеялась.

— Извини, ничего не могу поделать с этим. Ты собираешься поговорить с ним?

— Нет! Он был полным придурком. — Я сказала это и действительно хотела иметь это в виду, но затем вздохнула, мои плечи опустились. — Ты думаешь, я должна?

— Ну… то, что он сделал, дерьмово, но я знаю, он любит тебя, и ты прилетела, чтобы поговорить с ним. Может, ты должна? Может, это именно тот катализатор, в котором ты нуждалась, чтобы сказать, к чему все это идет?

— Да. Должно быть, ты права. Просто он так меня разозлил. И разочаровал. — Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. — Я лучше пойду.

— Люблю тебя. Ты будешь в порядке, несмотря ни на что.

— Тоже люблю тебя.

Мы повесили трубки, и я убрала телефон в сумочку. Что я теперь должна делать?

Возможные способы, как справиться со спонтанными неприятностями:

1) Я могу быть гребаным грустным лобстером всю ночь, сидя здесь в баре, попивая вино, уставившись в окно и тоскуя по Лукасу и моим несбывшимся мечтам.

2) Могу быть задирой, запрокинуть пару шотов и заняться сексом со случайным парнем.

3) Я могу быть уверенной в своей правоте девушкой, показаться в его квартире и заставить его выставить Джессику, если он хочет попробовать мою сладкую киску снова.

Но ничего из этого мне не подходило.

Полагаю, я просто должна была позвонить ему, сказать, где я и позволить ему встретиться со мной здесь, но опять же, это не правильно, сидеть в переполненном баре, который точно не был местом для обсуждения того, что нам надо.

Я больше не была уверена, что нам все еще есть, что обсуждать.

Несколько часов назад я думала, что, возможно, это последний раз, когда мы

преодолеваем столько миль, чтобы увидеть друг друга. Сейчас я понятия не имела, вместе ли мы еще. Весь последний час я была на грани слез, сейчас меня наконец-то прорвало, и я опустила голову и направилась в ванную, где полностью расклеилась.

В баре была всего одна уборная, и прошло очень мало времени, прежде чем кто-то постучал в дверь.

— Минутку, — крикнула я. Вытерев свое лицо так хорошо, как могла, я сделала несколько глубоких вдохов и вернулась на свое место. Снаружи была метель, и я боялась туда выходить, чтобы взять такси. И куда я собиралась просить таксиста отвезти меня?

Боже, это снова было как в Париже, только с паршивой погодой.

Проклиная свое решение приехать сюда, я заказала второй бокал вина и вытащила свой телефон, чтобы поискать ближайшую гостиницу.

У меня было еще одно сообщение.

Лукас: *Я разговаривал с Коко. Отель «Греймрси Парк». Комната 842. Если ты все еще хочешь меня.*

Конечно, я хочу тебя! Я хочу тебя навсегда, но также я хочу, чтобы ТЫ тоже хотел этого.

Я хотела написать ему это, но в конце концов не ответила. Я сидела и пила еще один бокал вина, в то время как в голове у меня как старая кинопленка проигрывался наш роман в Париже. И наши два дня в Провансе… О них я тоже думала. Когда я закрыла глаза и вдохнула, я могла почувствовать запах лаванды, ощутить солнце на своих плечах, попробовать оливки, которые росли в саду, где мы лежали на одеяле, когда устроили пикник, и лениво читали друг другу после обеда.

Это был тот день, когда я призналась себе, что влюблена в Лукаса.

Я все еще любила его. И я все еще хотела его.

Черт тебя подери, Лукас.

После того как я оплатила счет, я поймала такси и сказала водителю отвезти меня в отель «Греймрси Парк». Во время этой короткой поездки, я пыталась придумать план, но чем больше я думала о ситуации, тем злее становилась. Весь вечер чертовски отличался от того, как я себе его представляла. *Мы уже должны были быть голыми и потными. Я уже должна была быть связана на кровати. Или прижата к стене в душе.* Я сходила по нему с ума в течение месяца, и я заслужила что-то хорошее и заслужила это сейчас.

Черт. Я сжала бедра вместе, пытаясь игнорировать бабочек в моем животе, изнывающие соски и небольшую влажность между моих ног.

Секс не поможет. Это только запутает все еще больше.

Но он точно будет хорош. Вся агрессия, страсть и разочарование были в ловушке внутри меня, и я была как банка с газировкой, которую встряхнули.

Мне нужно взорваться.

Когда такси остановилось, я протянула деньги водителю, сказала ему оставить сдачу себе и помчалась в отель. Вестибюль был темный и хорошо обставленный, но я едва осмотрелась, когда влетела в лифт и нажала на восьмой этаж. С каждым этажом моя злость возрастала. Я нетерпеливо постукивала пальцами, когда слова Лукаса прокручивались в моей голове. *Я не думал, что у нас есть правила друг для друга… Ее присутствие здесь не вредит тебе… Мне нравится, как обстоят дела сейчас.*

Конечно, ему нравилось! У него была одна девушка, которая жила в его квартире, и другая, которая направлялась к нему в номер прямо сейчас! Я быстро сунула шляпу и перчатки в сумку и сердито встряхнула волосы. Затем я фыркнула:

— Хорошо. Кокос.

Другие пассажиры лифта смотрели на меня, как будто я была немного невменяема, но мне было плевать. Лукас любил мои волосы, и я хотела, чтобы они выглядели и пахли достаточно хорошо, чтобы он осознал, как будет скучать по этому, если все закончится.

Он будет скучать по множеству вещей, связанных со мной, в действительности, я собиралась напомнить ему о каждой из них.

Минуту спустя я нашла номер 842 и постучала так сильно, что оставила ссадины на костяшках. Дверь распахнулась, и в проеме стоял он — великолепный в гребаном костюме и галстуке. Волосы уложены. Чисто выбрит.

Для его ужина с Джессикой?

Похоть и ярость бушевали во мне как ураган.

— Боже, ты такой придурок. — Я ворвалась в номер, кинула свой чемодан и положила две руки на его грудь, толкая его назад в темноту номера. Он собирался уходить? Ублюдок.

Кипя от злости, я толкнула Лукаса на огромную кровать, и он был так ошеломлен, что упал на спину. Мне потребовалось три секунды, чтобы сорвать свое пальто и снять ботинки, прежде чем я прыгнула и оседлала его. Он удивленно моргнул, когда я прижала его плечи к кровати.

— Я так чертовски зла на тебя. — Я едва могла дышать из-за своей ярости. Как он посмел разрушить это? Как он посмел унизить меня перед своей бывшей девушкой, а затем принарядиться, чтобы пойти с ней? Как он посмел позволить мне так сильно влюбиться в него, когда он не относился ко мне также? Как он посмел не быть тем Лукасом, которым я думала он был? Я потеряла контроль над своими эмоциями — мне так понравилось использовать против него немного физической силы.

Сняв свой черный свитер через голову, я бросила его на пол. Под ним у меня был красивый черный бюстгальтер, который оставлял очень мало простора для воображения, но судя по тому, как его член дернулся подо мной, он обезумел.

Хорошо.

Я расстегнула пуговицу на джинсах и медленно опустила молнию.

Открыв рот, он секунду наблюдал за мной, прежде чем перевернул меня на спину.

Дерьмо.

Теперь Лукас прижимал меня — мои запястья были над головой, его бедра были на моих. Это сделало меня только злее, и я пыталась освободиться.

Он опустил свой рот ближе к моему, но не поцеловал меня.

— Ты здесь, — сказал он. — Это значит, что ты все еще хочешь меня?

Я уставилась на него и молчала. Ему не нужно знать, как сильно я хотела его. Так сильно, что если он отпустит мои руки, я сорву с него одежду. Так сильно, что мысль о его теле под этим костюмом делала меня влажной.

Одна сторона его рта приподнялась.

— Ты должна хотеть меня. Ты проделала весь этот путь в этом красивом черном белье, даже не сказав мне, что приезжаешь. Для чего именно ты приехала?

Его голос был спокойным и соблазнительным. Слова, слетающие с его губ, делали меня легкомысленной, и обеспечили прилив крови между ног, но его расслабленный, спокойный тон был как пощечина в лицо. Боже, он собирался заставить меня умолять? Я не буду, я не сделаю это, я не должна. *Это он должен умолять!*

Держа мои руки пригвожденными к кровати, он опустил свой рот мне на грудь. Он

неторопливо провел губами по затвердевшему соску через тонкий материал, слегка, как будто у него было бесконечное терпение. Он прикусил один сосок, потянув слегка своими зубами, пока я боролась со стоном, и прижала пятки по бокам кровати, чтобы не обернуть ноги вокруг него.

Он поцеловал каждый холмик моей груди через материал. Моя грудь поднималась и опадала быстрее с каждой секундой.

— Зачем ты приехала, Миа? — я отвернула голову в сторону, и он рассмеялся. — Не разговариваешь со мной? Если бы я не знал тебя лучше, я бы подумал, что ты нарочно дразнишь меня. За это я бы наказал тебя.

Да, это так. Я хотела, чтобы он наказал меня, злоупотребил моим телом, а не сердцем. Я хотела физической боли, которую он может мне дать, чтобы сокрушить эмоциональную боль от предательства. Может тогда я смогу забыть, как сильно он обидел меня.

Как подавлена я была из-за того, что он не любил меня достаточно.

Он коснулся своим ртом моего горла, дразня меня тем, что кружил по нему своим языком, заставляя меня задыхаться.

— Ты скучала по этому, не так ли? — прошептал он. Затем он начал двигать своими бедрами, потираясь своим затвердевшим членом прямо по местечку у меня между ног. Сладкие, медленные трения заставили меня немного выгнуться и мое тело умолять о большем.

Черт, это ощущалось так хорошо.

— И этому… — Он толкнулся сильнее. — Ты не можешь дождаться, чтобы получить это. Ты проделала весь путь сюда ради этого. Скажи.

Я прижала щеку к матрасу.

— Посмотри на меня и скажи это, Миа. — Его тон изменился на что-то более серьезное и требовательное.

Нет. Не в этот раз. Сегодня я не подчинюсь так легко — я хотела его, но также я хотела борьбы. Я хотела грубо и зло, потому что вот так я себя чувствовала. Я хотела, чтобы он заслужил это. Я хотела точно так же обидеть его, отомстить за боль, что он причинил мне.

И я хотела, чтобы он подумал: «Может, я не так уж хорошо ее знаю».

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Да пошел ты.

Он освободил мои запястья и встал, отходя от меня. Я зашла слишком далеко?

На мгновение он оставался совершенно неподвижным. Как будто хотел, чтобы я поднялась и ушла.

Я приподнялась на локтях. Мое сердце бешено стучало.

Он расстегнул свое пальто.

Да, да, да. Я чуть больше раздвинула колени.

Он потянулся к своему галстуку и, когда его пальцы развязали узел, мои пальчики на ногах подогнулись.

И затем он улыбнулся мне. Он, черт побери, улыбнулся мне. Как будто все это было маленькой игрой.

Взбешенная, я перевернулась на живот и попыталась отползти от него, но он вытянул руку и обхватил мою правую щиколотку.

— Отпусти меня, — я вцепилась в одеяло, когда он тащил меня к себе.

— Нет, — его другая рука потянулась под мое левое бедро и снова перевернула меня на

спину. — Я не отпущу. Никогда. — Он стянул мои джинсы, затем отпустил меня, чтобы сбросить свое пальто. Я воспользовалась возможностью, чтобы отодвинуться назад, упав на боковую сторону кровати. Приземлившись на задницу, я вскочила на ноги, еще более злая.

— Видишь? Эта гребаная проблема в тебе, — огрызнулась я, указывая на него. — Ты говоришь такие слова — как «никогда» — и ты не имеешь их в виду.

Он расстегнул две нижние пуговицы на рубашке.

— Я имею это в виду.

Я покачала головой.

— Нет, не имеешь. Ты не хочешь ничего подобного со мной. Ты просто хочешь здесь и сейчас.

Стянув галстук, он обошел кровать.

— Здесь и сейчас выглядит довольно привлекательно для меня, не буду лгать. Ты убиваешь меня в этом белье.

Я попятилась.

— Я не шучу, Лукас.

— Так же как и я. — Он подошел ближе. — Я влюблялся в тебя сильнее с каждым днем, что мы были в разлуке, и тем не менее, когда я вижу тебя снова, меня все еще удивляет, какая ты чертовски красивая.

Дернувшись в сторону, я быстро вскочила на кровать.

— Прекрати! — черт, почему он должен быть таким сексуальным? Почему так хорошо управляется со словами? Я вытянула руки. — Я правда зла на тебя.

Он улыбнулся, медленно и сексуально.

— Я заметил.

— Нам нужно поговорить.

— Прямо сейчас? — он обмотал галстук вокруг пальцев. — У меня есть идея получше.

Взволнованная, я боролась со словами.

— Я… ты не можешь просто… мы должны… ты отвлекаешь меня этим галстуком!

Он натянул галстук перед собой.

— Прямо этим?

— Да. — Положив руки на бедра, я смотрела на него с подозрением.

— Так что ты собираешься делать с ним?

— Подойди сюда, и я покажу тебе.

— Нет.

— Значит я приду за тобой.

Он вскочил на кровать, я завизжала и спрыгнула с другой стороны. Он последовал за мной, преследуя меня вокруг кровати, прежде чем я побежала к двери.

Подождите, что я делаю?

Задыхаясь, я обернулась и на секунду прислонилась к двери, прежде чем врезалась в него. Наши рты жестко соединились, губы стучали друг об друга. Его язык проник между моими губами, сражаясь с моим в поцелуе, подпитываясь в равной степени гневом и желанием. Он вжал меня в дверь и обхватил мое горло одной рукой, поглаживая мои губы своим языком. Наше тяжелое горячее дыхание смешалось. Я положила руку ему на грудь, как будто я могла оттолкнуть его.

— Давай, Миа, — уговаривал он, — позволь мне дать тебе то, чего ты хочешь. Я тоже хочу этого. — Скользнув одной рукой в мои трусики, он потер мой клитор, из-за чего мои

ноги начало покалывать. Он застонал, когда скользнул одним пальцем в меня. — Ты уже такая влажная. Мне нравится, какой влажной ты становишься, когда я даже еще не прикоснулся к тебе. Это сводит меня с ума.

Мои рациональные мысли исчезли, когда каждый нейрон в моем теле посвятил себя любимому покалыванию под его пальцами. Убрав руку от моего горла, он скользнул под одну из лямок моего лифчика и спустил кружево под мою грудь. Он подразнил мой сосок пальцами, прежде чем втянул его в рот, всосав между зубами. Закрыв глаза, я прижала ладони к двери, пытаясь говорить, думать, дышать.

— Черт побери, Лукас.

— Ты хочешь, чтобы я остановился? — его рука замерла, и боль внутри меня усилилась.

Я схватила его за волосы и притянула его голову до уровня своих глаз.

— Я уже чертовски зла на тебя, поэтому, черт побери, не смей.

Он обрушил свои губы на мои, и мы стали поглощать друг друга с голодом, который только возрастал от раздражения и времени, что мы провели врозь. Обезумевшая от потребности, я расстегнула его штаны и спустила их вниз достаточно, чтобы коснуться его возбужденного твердого члена. Я взяла его двумя руками, сжав плоть, а все мое тело сгорало от нетерпения. О боже мой. Я хотела этого. Сейчас.

— Черт. Мне нужно попробовать тебя. — Опустившись на колени, он схватил мои трусики и с силой потянул их вниз. Они все еще висели на моих лодыжках, когда его язык прикоснулся ко мне между ног. Я прислонилась к двери, когда его руки скользнули вверх по внутренней стороне моих бедер и открыли меня для его жадного рта. Все мое тело гудело, когда его язык добрался до моего горячего влажного центра, вырисовывая медленные круги вокруг моего клитора. Когда он всосал его в рот, мои колени подогнулись, и я снова схватила его за волосы.

— Сейчас, — я задыхалась. — Я хочу этого сейчас.

Он быстро встал на ноги, просунул локти под мои колени и поднял меня, прижимая спиной к двери, когда мои ноги были перекинуты через его предплечья. Я была широко открыта для него, и очень влажной. Опираясь руками на его плечи, я закрыла глаза и прикусила губу, когда он ввел в меня кончик члена, все мое тело напряглось от предвкушения. Дадададададада.

Затем он остановился.

Я открыла глаза. Его лицо было в сантиметре от моего, и из-за его хитрого выражения лица я знала, что он мучил меня целенаправленно.

— Ох, ты ублюдок, — выдохнула я, одинаково любя и ненавидя его. — Дай его мне, всего.

Он продолжал держать меня в подвешенном состоянии.

— Ты ублюдок, — я пыталась опуститься, но это было невозможно.

Он ввел в меня еще один сантиметр. Может, два.

О господи. Должны ли мы сейчас бороться? Я закрыла глаза. *О боже, о боже, о боже…* этого было почти достаточно, и я была так близко, и все внутри меня гудело, сгорало и отчаянно хотело сжаться внутри него. Я опустила пальцы на его шею и с трудом дышала через открытый рот. Образ быка, над которым издевалась красная тряпка, мелькал перед моими глазами.

— Лукас, — захныкала я.

— Скажи, что все еще любишь меня.

— Что?

— Скажи, что простишь меня.

Его озорное выражение лица исчезло, уступив место искреннему взгляду тоски в глазах, может даже с примесью страха.

— Скажи это, Миа. — Он опустил меня вниз, и я ахнула от внезапной наполненности, шок удовольствия взорвался глубоко внутри меня. — Я не могу потерять тебя. Скажи, что все еще любишь меня.

В первый раз за вечер я почувствовала, что не одна испугалась из-за всего, что случилось сегодня, из-за мысли потерять друг друга. Я чувствовала, что он нуждался во мне, и он знал это.

Слишком взволнованная чтобы говорить, я покрутила бедрами, и его член запульсировал внутри меня. Он застонал, борясь за контроль, и это сделало меня еще более счастливой.

— Я люблю тебя. — Я поцеловала его в губы, дразня своим языком. *Сейчас он ощущался по-другому. Из-за меня. Его вкус и мой — вместе*. Мысль была настолько эротичной, что я чуть не кончила. — И я прощу тебя. Но сейчас я на самом деле хочу, чтобы ты трахнул меня, или я, черт побери, убью тебя.

Прежде чем я даже смогла сделать вдох, он прижал меня к двери, погружаясь еще глубже. Я закричала, хватаясь за его рубашку обеими руками, когда он долбил меня жесткими неистовыми толчками. Черт, почему я не сняла всю его одежду? Я хотела его голую кожу под моими ладонями, моими ногтями, моими зубами. Я была готова начать срывать пуговицы, когда он вжал меня в дверь, погружая свой член глубоко в меня и потираясь о мой клитор быстрее и жестче.

— О боже. Я боюсь, это будет слишком быстро, — его голос в моем ухе был хриплым, он задыхался, пытаясь сделать мне хорошо, не кончив слишком быстро.

Но я уже была там, стояла на краю освобождения и отчаянно хотела взять его с собой. Слезы скопились в уголках моих глаз, когда все внутри меня так блаженно и мучительно напряглось.

— Нет. Ты идеален. Не останавливайся, не останавливайся.

Он ускорил темп, трахая меня быстрее и жестче, моя спина стукалась о дверь.

— Черт, мне нравится то, как ты хочешь этого, — сказал он через стиснутые зубы. — То, какой влажной ты становишься, как ты жестко кончаешь, когда я трахаю тебя вот так.

— Да, — закричала я, достигая пика блаженства. — Да, да, да…

Он выругался, когда его тело напряглось, и его член запульсировал во мне, и было ощущение, как будто прежде я никогда не испытывала оргазм, он сотрясал меня, чистейший экстаз скопился в моем центре и рябью распространялся через мои конечности, одурманивая и поглощая меня. Я закрыла глаза, смакуя каждое ритмичное сокращение моего тела вокруг него.

Совершенство.

Я даже не чувствовала своих ног.

Как, черт побери, он мог стоять, я понятия не имела.

Глава 5

Мне потребовалось несколько минут, чтобы привести себя в порядок, и когда я вышла из ванной, Лукас лежал на кровати, брюки были все еще расстегнуты, одна рука покоилась у него на глазах. Я засмеялась, и он поднял голову

— Что?

— Мы. На тебе все еще одежда, даже твои ботинки, а на мне лифчик и носки. — Я дернула одной ногой с белыми и серым в полоску носком.

Он улыбнулся.

— У меня не хватило терпения снять носок.

— Я заметила. — Найдя свои трусики, которые висели на моих лодыжках где-то начиная с между «ты ублюдок» и «я люблю тебя», я натянула их и плюхнулась на бок рядом с ним на кровать.

— Итак… сюрприз. Я здесь.

Он тоже повернулся на бок, подперев голову рукой.

— Это определенно был сюрприз. Я не ждал тебя.

— Я тоже заметила это. — Я пыталась не звучать саркастично. Хотя не очень сильно.

— Почему ты не сказала мне, что приезжаешь?

Моя челюсть отвисла. Он серьезно?

— Я была чертовски спонтанной! Разве не этого ты хотел? Это не моя вина, что твоя бывшая отсиживается в твоей квартире.

— Эй. — Он вытянул руку и погладил мое предплечье. — Не злись снова. Я рад, что ты здесь. Я хочу тебя здесь. И правда сожалею о том, что случилось ранее.

Сожалеет о том, что случилось ранее? Нет. Это было слишком неубедительно для меня.

Я села.

— О какой части ты сожалеешь? Я имею в виду, ты сожалеешь, что позволил ей пожить у тебя? Сожалеешь, что лгал об этом? Сожалеешь, что заставил меня чувствовать себя идиоткой перед ней? — воспоминание о том, что происходило в его квартире, снова завело меня. Я любила его, но мне было нужно услышать признание, что он был неправ.

— Насчет всего этого. Я должен был рассказать тебе о ней. Даже не так, я должен был сказать ей «нет», когда она спросила, может ли остаться на несколько дней. — Он снова потянул меня вниз, а затем пододвинулся ближе и убрал волосы с моего лица. — Ты знаешь, когда ты сказала это о Такере, спросила, как я буду чувствовать себя, если он останется в твоей квартире, я захотел впечатать кулак в стену.

— Да? — уголки моего рта слегка приподнялись. — Хорошо.

— По правде говоря, сейчас Джессика ничего для меня не значит, но ты была права — я чувствую себя виноватым из-за того, как у нас все закончилось. Я позволил этому повлиять на мое решение. Казалось, что это самая малость, что я могу сделать для нее, чтобы компенсировать ту боль из-за нашего разрыва.

— Не такая уж и малость. Не для меня. И также не для нее.

Он поцеловал меня в лоб.

— Сейчас я понимаю это. Но ты должна мне поверить, когда я говорю тебе, что у меня нет к ней каких-то романтических чувств. Ты ведь не думала на самом деле, что я спал с

ней?

Я пожала плечами.

— Я не знаю. Я имею в виду, может, ты и не намеревался, но она такая красивая… что, если бы она набросилась на тебя, и ты бы почувствовал вину или одиночество, и сдался бы?

Он покачал головой.

— Этого никогда бы не случилось. Я люблю тебя и не хочу никого другого. Это больше похоже на то… что я жалею ее. Прямо сейчас Джессика находится в каком-то беспорядке.

— Для меня она выглядела в порядке.

— Ну, у нее сейчас некоторые проблемы с семьей, и она переживает еще один тяжелый разрыв. Ничего опасного для жизни, но ей нужен друг. В любом случае я ее не интересую.

Я прикусила губу, чтобы не начать спорить, когда это ударило меня по голове. Конечно, она заинтересована в нем — это было очевидно! Он был слеп? И я заметила, что он не стал спорить со мной по поводу того, что она красивая. Но парни не так умны насчет некоторых вещей. Может, он и правда не мог прочитать ее. Может, он не понимал, как я ревновала. Черт, да я сама не подозревала, насколько ревнива, до тех пор, пока не увидела ее. Это было совсем не похоже на меня, и я ненавидела это чувство.

Он продолжил поглаживать мои волосы.

— Любой мужчина, состоящий с тобой в отношениях, должен быть сумасшедшим, чтобы рисковать потерять тебя. — Он прижался своим лбом к моему. — Скажи мне, что ты знаешь, что я не обидел бы тебя таким способом.

— Наверное знаю, но… — я пожала плечами. — Мне было ненавистно слышать, что ты собираешься с ней на ужин сегодня, даже если с друзьями. И затем я здесь, а ты все еще одет в тот костюм…

— К черту это. Теперь, когда ты здесь, мне никто не нужен кроме тебя. Я хочу отвезти тебя на ужин. Или съесть тебя на ужин. — Его рука гладила меня по бедру, но я не хотела замять этот вопрос сексом.

— Ты никогда не знакомил меня со своими друзьями, Лукас. Почему?

Он вздохнул, убрав свою руку.

— Потому что когда ты здесь, я хочу тебя полностью для себя, Миа. У нас так мало времени вместе. Я не хотел тратить его на кого-то еще.

— Но от этого я чувствую себя плохо, как будто я не являюсь частью твоей жизни. Как будто я стою в стороне, и ты не намерен позволить мне войти. — Я вскочила на колени и села на пятки. — Я люблю тебя. Я хочу узнать твоих друзей, и хочу, чтобы они узнали меня.

Он смотрел на меня мгновение.

— Ладно.

Я моргнула.

— Ладно?

— Конечно. Если ты хочешь познакомиться с моими друзьями, мы можем позависать с ними сегодня и что-нибудь выпить.

— Правда? — я не смогла сдержать улыбку. Конечно, это были коктейли с друзьями, а не квартира в Сохо, но это был шаг в правильном направлении. Я не могла дождаться. Сегодня вечером я отлично впишусь в его социальную жизнь, и он поймет, как здорово, когда я рядом.

А разговор — завтра.

— Правда. Мы упустили бронь, но можем что-нибудь перекусить, прежде чем

встретимся с ними. Здесь хороший бар. Я позвоню им и спрошу, встретятся ли они с нами.

Я подскочила с кровати.

— Черт, я должна вытащить свое платье из сумки и повесить его. — Подняв чемодан на скамейку рядом с кроватью, я расстегнула его и вытащила свое любимое маленькое черное платье.

— Ты была слишком занята, убегая от меня, — Лукас сел, его глаза сверкали. — Это платье или ночнушка?

Я улыбнулась.

— Платье. — Это не было чем-то шикарным, но с ним было легко путешествовать, и оно обнимало мои изгибы, как горячая карамель покрывает яблоко.

— Иисус. Я не смогу держать свои руки подальше тебя.

— Хорошо. — *Я надеялась, что Джессика заметит. Я надеялась, что она увидит, как ты боготворишь меня и поймет, что Она. Никогда. Тебя. Не. Получит.* Схватив вешалку из шкафа, я повесила платье в ванной, надеясь, что пар от душа поможет разгладить пару складок. Когда я вернулась в комнату, то заметила галстук Лукаса на полу рядом с кроватью. Я подняла его и бросила ему. — Что-то потерял?

— Ох, да. Его. — Он завязал его вокруг своей шеи, наблюдая, как я снимаю носки и избавляюсь от трусиков и лифчика. — Ммм. Ты уверена, что хочешь уходить?

Я улыбнулась с сожалением.

— Да. Дашь мне полчаса, ладно? — я вытащила из чемодана свою косметичку, расческу и ботильоны. Они были ярко-красными на танкетке, каблук четыре дюйма и бантик сбоку — совершенно непрактичные для снежного февраля в Нью-Йорке, но я устала быть все время практичной.

— Ладно. Но предупреждаю тебя, полчаса это все, что мне нужно, чтобы восстановиться, и когда я увижу тебя в этом платье и в этих туфлях… — он пожал плечами. — Никаких обещаний. На самом деле, — он продолжил, засунув одну руку в свои брюки, — мне понадобится меньше времени на это.

Я рассмеялась.

— Прекрати. Это было только десять минут назад! Ты не можешь быть снова готовым!

— Ох, нет? — он встал с кровати и подошел ко мне.

Я вскрикнула и побежала в ванную, заперев дверь позади себя. Зная Лукаса, он, возможно, последует за мной в душ на второй раунд, и мы опоздаем. Но, черт побери, он выглядел так хорошо, когда лежал там, засунув руку в штаны. Так же как я представляла его, когда мы разговаривали по телефону. Он на самом деле снова был твердым?

Если подумать, у нас не было никакого резерва и нам не нужно было быть где-то в определенное время.

Я открыла дверь.

«Чертовски спонтанная» теперь было моим новым вторым именем.

Десять минут спустя я смывала гель для душа со своей кожи, когда в ванной погас свет.

Я застыла в пару и темноте.

— Лукас?

Занавеска отодвинулась, и появился его силуэт. Его голый силуэт.

— Итак. — Он вошел в душ. — Если я должен делить тебя с другими людьми сегодня вечером, мне нужно насытиться тобой, прежде чем мы уйдем. — Он встал под распылитель позади меня, положив руки мне на живот и прижав свою эрекцию к моей пояснице. — Хотя

я не думаю, что это возможно.

Я улыбнулась.

— Попробуй.

Его влажное тело напротив моего разбудило еще больше воспоминаний о Париже, и я оперлась на него, скользнув руками по его предплечьям — подождите, что было в его руках? Прежде чем я могла спросить, он обхватил мои запястья и поднял мои руки.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Шшш. Больше никаких разговоров. — Он скрестил мои запястья и закрепил их на крючке для полотенец с помощью своего галстука. — Я не видел тебя целый месяц, ты здесь уже четыре часа, и я трахнул тебя всего один раз. Это неприемлемо.

— Твой галстук намокнет. — Но мой желудок сделал кульбит.

Он затянул узел сильнее, потянулся между моих бедер и слегка ввел в меня палец.

— Мне нравится влажность. — Он прикоснулся губами к моему уху. — Теперь будь хорошей девочкой и раздвинь ножки.

Святое дерьмо.

Лукас связывал меня прежде. Я принимала душ с Лукасом прежде. Но быть связанной Лукасом в душе — это было как сервировать расплавленный шоколадный фондан с огромной тарелкой тирамису с боку.

Я облизала губы и раздвинула ноги.

— Вот. Теперь наклонись вперед.

Я следовала его инструкциям, и он опустился на колени, коснувшись моей киски своим ртом сзади.

— Ох Иисус. — В темноте начали появляться серебряные полосы света. Я закрыла глаза или это дождь из звезд в душе? Его язык проник в меня, его руки сжали мою задницу, его губы перемещались вверх и вниз по моим складочкам, как будто я была покрыта глазурью, и он не хотел упустить ни капли. Ох черт, я надеялась, что вешалка для полотенец была крепко припаяна к стене. Я так сильно тянула ее, что могла и оторвать.

Лукас встал, прижав свое мокрое тело ко мне.

— Я жажду твоего вкуса. Я скучал по нему каждый гребаный день. — Два пальца легко скользнули в меня, пока другая его рука скользнула по моему животу и выше к груди. Слегка наклонившись вперед, я изогнула спину, прижавшись к его руке и члену.

— И я люблю, когда ты так делаешь, — прошептал он в мое ухо, и я смогла услышать в его голосе больше, чем след от акцента. — Когда ты так выставляешь свою маленькую попку. От этого я становлюсь таким твердым.

Он был твердым, я ощущала это. Я очень хотела коснуться его — первый раунд был таким быстрым, что я едва дотрагивалась до него. Я представляла его мокрым, его голое тело в темноте, как ручейки горячей воды стекали по его мускулистой груди, его твердый живот, V-образная линия.

О, черт, это та самая линия.

Эти восхитительные косые линии между его бедер, что заставляли мои колени подгибаться и делали мои соски твердыми. Я хотела провести по его телу своими пальцами и языком. Да, да, да. Я хотела опуститься на колени, скользить руками по его гладкой, горячей коже, смотреть, как он становится тверже и толще, как он предвкушает мой рот вокруг своего члена. Я хотела почувствовать его вкус в своем рту.

Но мои руки были связаны. Я не могла сдвинуться.

— Лукас, я хочу попробовать тебя, — сказала я, задыхаясь. — Развяжи меня ненадолго.

Он рассмеялся.

— Ни единого шанса, принцесса. — Он обхватил мои бедра двумя руками, удерживая меня крепко, когда он скользнул своим твердым стволом между моими ягодицами. — Ты сегодня заставила меня преследовать тебя. Ты убежала от меня. Ты еще не заслужила просто так получить то, чего хочешь. — Схватив охапку моих мокрых волос, он дернул мою голову назад и прошептал в мое ухо: — Ты никуда не денешься.

Мою голову пощипывало от боли, но я любила эту смесь удовольствия и боли. От этого я хотела его еще больше.

— Пожалуйста, — умоляла я. — Тебе понравится. Ты можешь связать мои руки за спиной

— Хорошая идея. И, может, я сделаю это позже. Но прямо сейчас… — он отпустил мои волосы и расположил свой член между моими бёдрами. — Я прямо там, где хочу быть.

Мой рот открылся, когда он проник в мое тело, полностью заполняя меня. Медленными мучительными толчками он скользил и выходил из меня, удерживая мои бедра на месте.

— Боже, мне нравится, когда ты так медлишь. Я могу ощущать каждый твой сантиметр глубоко внутри.

— Тебе нравится глубоко? — он толкнулся на всю длину, отчего я встала на цыпочки. — Нравится так?

— Да, — выдохнула я, ощущая, как моя киска сжимается вокруг его. — Черт. Ты касаешься… того местечка.

— Да? — он начал вбиваться быстрее, жестче, вытянув одну руку, чтобы потереть мой клитор.

— Да. О боже мой… Прямо там… — я изогнула спину, мое тело было в огне, внутри и снаружи. То, как мои руки были лишены подвижности, делали ощущения в нижней части моего тела еще более интенсивными. Мои внутренности сжимались вокруг его твердой плоти, и крошечный комочек нервов под его рукой начал изнывать от сладкого ощущения.

— Кончи для меня, — сказал он грубо.

И вот всего стало слишком много: воды, пара, приказа Лукаса в моем ухе, его пальцев между моих ног, его члена внутри меня. Все удовольствие, собранное спиралью внизу моего тела, взлетело вверх, в небо, и я запрокинула голову назад, желая сказать его имя, но не в состоянии говорить.

Лукас кончил сразу после меня, обхватив мои бедра обеими руками и дернув меня к себе, наши тела хлопали друг об друга, наше дыхание вырывалось рваными вдохами из наших тел, наша потребность брать и отдавать в одно и то же время была моментально удовлетворена.

#

Благодаря раунду номер два в ближайшие полтора часа мы с Лукасом так и не покинули наш номер. К этому времени его друзья уже покинули ресторан, чтобы встретиться с нами, поэтому мы решили сразу направиться в бар и позаботиться о еде позже. В любом случае я не была голодна. Мой живот завязывался узлом при мысли о двух вещах: встреча с друзьями Лукаса, и иметь дело с Джессикой весь вечер. Лукас постоянно переспрашивал меня, нормально ли я отношусь к тому, что она будет там, и я уверила его, что все в порядке.

— Хорошо, — он взял меня за руку, когда мы проходили через вестибюль. — Потому что тебе не о чем волноваться.

— Я знаю, — я старалась звучать более уверенной, чем была на самом деле. — Я не сумасшедшая ревнивица, — сказала я, думая, что сумасшедшая ревность была в самом начале, когда я увидела, как она стоит в халате. — Я полностью понимаю идею о дружбе с бывшей. Но не понимаю, как можно жить с ней в одной квартире.

Съежившись, он повесил голову.

— Я понял это. Боже, я буду долго за это расплачиваться, верно?

Я осторожно толкнула его локтем в бок.

— Нет, я не из тех, кто держат обиду. Я верю, что можно простить и забыть. Двигаться вперед. — *Съехаться вместе.*

Положив руку мне на поясницу, он повел меня в темный, шумный бар.

— Я говорил тебе, что люблю тебя? И как ты красива?

— За последние десять минут нет.

Он наклонился, чтобы прошептать в мое ухо и его рука скользнула ниже.

— Ты великолепна. И я чертовски восхищен тобой.

Мурашки появились на моих обнаженных руках. Все в этом мгновении было идеально, от его руки на моей заднице, до его дыхания на моей шее. Единственным сожалением было то, что поблизости нет Джессики, чтобы увидеть это.

Все сидения у бара были заняты, поэтому мы с Лукасом заказали напитки и забрели в большую соседнюю комнату, чтобы поискать, где сесть. Там было просторно и уютно, горели только свечи и камин в дальнем конце комнаты. Диваны и кресла были обиты красным с золотым бархатом, столики были из темного дерева, стены покрашены в какой-то янтарный цвет, мерцающий в свете свечей. Джазовое трио тихо играло в углу.

Некоторое время он изучал музыкантов,

— Эй, я знаю этого пианиста. Пойдем сядем поближе. — Мы пошли к столику рядом с трио, и Лукас вытащил кресло для меня, прежде чем опустился слева от меня. Я рассмеялась, когда он пододвинул кресло ближе к моему.

— Я не могу быть достаточно близко, — его улыбка была робкой.

— Я не против. — Я наклонилась и поцеловала его в щеку. — Ты так хорошо выглядишь в этом костюме, что тебя хочется съесть. — Костюм был темно-серый, под который была надета белая рубашка, которую я погладила ему после того, как мы вышли из душа. Он сказал, что я не должна это делать, но я настояла, и эта мирская задача чувствовалась такой личной — *ладно, такой свойственной жене*, — что я улыбалась как идиотка, пока делала это. Я становилась безумно счастливой, делая такие простые вещи для Лукаса.

Он был, конечно, без галстука. Не думаю, что он вообще подлежал восстановлению.

Через десять минут после того как мы сели, прибыли его друзья, и я встала, чтобы познакомиться. Со всеми, кроме Джессики, которая демонстративно заняла место по другую сторону от Лукаса. Было еще двое парней и две девушки, всем было около тридцати лет. Ранее Лукас сказал, что кого-то он знает со средней школы, а кого-то с колледжа, где они вместе учились, но я почти сразу забыла эти пять имен. У меня была ужасная память на имена. Но я была почти уверена, что высокий блондин, который сидел напротив меня был Крейгом, а справа от меня была Андреа, миниатюрная азиаточка со стрижкой каре.

— Итак, ты та самая Миа. — Андреа пожала мою руку и улыбнулась. — Лукас постоянно говорит о тебе.

Мое сердце трепетало как крылья колибри, и я подарила Лукасу благодарный взгляд. *Он говорит обо мне!*

— Я работаю с Андреа. — Лукас сел сбоку от меня и поднял свой скотч. — Она преподает психологию образования.

— Как мило, — я снова села, скрестив ноги, и Лукас положил руку мне на колено. Подняв бокал с вином, я спрятала довольную улыбку за своим Бордо. Может, это было по-детски, но мне не было сегодня достаточно узнать, что Лукас обожал меня — я хотела, чтобы люди видели, что он обожал меня.

Особенно человек по имени Джессика.

Я бросила быстрый взгляд на нее, чтобы посмотреть, заметила ли она руку.

Заметила. Она смотрела прямо на нее.

Дааааа. Я выпью за это!

— Ну, он определенно хранил ее в секрете от меня. — Джессика хитро улыбнулась Лукасу и хлопнула его по плечу. — Глупыш. И ты должен был рассказать ей, что я остаюсь в твоей квартире, пока не найду жилье. — Она повернулась к группе. — Бедняжка была шокирована, увидев меня сегодня днем, когда она приехала, сделав ему сюрприз. Я была в халате! Можете себе представить? — она рассмеялась, как будто это была самая забавная шутка, которую она когда-либо слышала, но все оставались в тишине. Более неловкого момента, конечно же, не было в разговорах в этом отеле, особенно на Манхэттене. Я вцепилась в свой бокал с вином так сильно, что думала, что раздавлю его.

— А я был в восторге от ее приезда. — Убрав руку с моего колена, Лукас приобнял меня за плечо и притянул ближе. — Самый лучший сюрприз.

Мне удалось скрыть улыбку, прежде чем я сделала глоток вина.

— Ты знаешь меня. Я люблю сюрпризы.

Лукас сжал мое плечо и поцеловал в щеку.

— Хочешь еще бокал вина?

— Да, — прошептала я ему в ухо. — Чтобы выплеснуть в нее.

Похоже, ночь будет долгой.

Глава 6

5 раздражающих фактов (Из 100, но это только после двух часов — реальное количество, вероятно, больше 1000) о Джессике.

1) Она встряхивает свои волосы. Часто. Как будто она гребная модель из рекламы Лореаль.

2) Она смеется над всем, что говорит Лукас, часто наклоняется, чтобы хлопнуть его по ноге или ущипнуть за плечо.

3) Она наслаждается рассказами о старых временах, шутками, понятными только своим, анекдотами, которые включают Лукаса, и всякий раз, когда он или кто-то другой пытается включить меня в разговор, она как-то переводит тему так, что мне нечего сказать.

4) Она говорит на гребаном французском. Бегло. И ей доставляет удовольствие говорить с Лукасом на языке, который я не понимаю.

5) Она поет. И она хороша.

В какой-то момент вечера джаз трио сделало перерыв, и пианист, жилистый парень по имени Марк, подошел, чтобы поздороваться с Лукасом. Джессика тоже его знала, и пока они играли очередной раунд: «а помнишь когда», я повернулась к Андреа и спросила, где в Нью-Йорке она живет и мы пустились в обсуждение различных районов города и каков Детройт по сравнению с Нью-Йорком.

Поэтому я пропустила часть разговора, где было решено, что Лукас и Джессика встанут и споют вместе.

— Ты не возражаешь, Миа?

Я повернулась к Лукасу с пустым взглядом.

— Что не возражаю?

— Конечно, она не возражает, — Джессика уже встала со своего места и тянула его за руку. — Я уверена, она любит слушать твою игру.

В замешательстве я посмотрела в угол, где располагалось трио, и увидела гитару, которая лежала на полу рядом с деревянным стулом.

— Ты собираешься играть?

— Он споет со мной. Одна быстрая мелодия. — Он послала мне фальшивую улыбку. — Есть пожелания?

Да, пошла к черту.

— Миа, я могу не делать этого. — Лукас смотрел на мое лицо, как будто пытался прочитать мое выражение, что я уверена говорило: Холодная Сука.

Я старалась сделать его более теплым. Что хорошего будет, если я сделаю из мухи слона по этому поводу? Это просто песня, и я не хотела дарить Джессике удовольствие от осознания, что она пробралась ко мне под кожу.

— Нет-нет, иди, пожалуйста. Я люблю слушать твою игру. — Вонзив ногти в бедра, я даже улыбнулась Джессике. — Как здорово!

С улыбкой триумфа, она направилась к углу с Марком.

Лукас поцеловал меня в щеку.

— Скоро вернусь.

За ободком бокала я наблюдала, как Лукас поднял гитару и сел на стул, а Марк вернулся

к пианино. Джессика встала между ними, и они втроем перекинулись парой слов, прежде чем Марк передал Джессике микрофон.

Она представила себя и своего «старого друга» Лукаса, прежде чем поблагодарила Марка за возможность им окунуться в «старые добрые времена». Затем она подмигнула Лукасу и поправила свои волосы. Я сделала глоток вина.

Ноздри. Раздуваются.

Я посмотрела на друзей Лукаса, чтобы увидеть нарастающее напряжение, но никто из них не смотрел мне в глаза, кроме Андреа, чья «не-такая-уж-радостная улыбка» едва скрывала выражение «все-становится-плохо».

Я сказала, сделала глоток? Я имела в виду, выпила залпом.

Когда Марк начал наигрывать первые аккорды, я коротко помолилась. *Дорогой Господь, я знаю, что это не хорошо с моей стороны, но, пожалуйста, пусть она не будет так уж хороша в пении. Она не должна быть ужасна, просто достаточно неприятна, чтобы я видела, как некоторые морщат носы в толпе.*

Увы, нет!

К моему огорчению голос Джессики был на самом деле приятным и красивым, резкий контраст с ее едкой личностью и приторными улыбками. Она пела «Bye Bye Blackbird», и толпа, которая шумела за мгновение до этого, успокоилась с самой первой ноты. Я была так занята ненавистью к ней, что забыла слушать игру Лукаса, но заметила, как иногда они смотрели друг на друга во время песни. Это было на самом деле необходимо? Несмотря на минусовую температуру снаружи, моя кровь кипела. Я чувствовала, что мне надо выйти на улицу, чтобы охладиться.

Успокойся. Она также смотрит в глаза и Марку. Они оба. Они вероятно должны смотреть друг на друга, чтобы выяснить кто солирует или как и когда закончить песню.

Когда стихла последняя нота, комната заполнилась аплодисментами. Сопротивляясь желанию освистать, я вяло поаплодировала несколько раз, только чтобы не показаться грубой.

— Лукас на самом деле хорош, — сказала Андреа.

— Да, он такой, — согласилась я, хотя на самом деле не услышала ни одной ноты, которую он сыграл.

Они вернулись к столу, и Лукас положил свою руку на мою.

— Ты в порядке?

Я вынужденно улыбнулась.

— Конечно. Это было здорово. — И чертовски раздражающе.

— Мы должны делать это почаще, Люк. — Похлопав его по плечу, Джессика села и отпила воды. — Я почти забыла, насколько ты хорош. — Она подмигнула мне. — Во всем.

Ох, к черту это.

— Мне нужно в уборную. — Я подскочила на ноги, моя челюсть сжалась. — Кто-нибудь знает, где это?

— Я знаю, — Джессика подняла свой клатч со стола и встала. — Я пойду с тобой.

Лукас смотрел так, как будто хотел возразить, но что он мог сказать? И я бы лучше пошла в уборную с Джеком Потрошителем, но не могла придумать вежливой причины, чтобы отклонить ее предложение.

— Ладно. Я последую за тобой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Джессика направилась через вестибюль, и я последовала за ней к дамской комнате. Никто из нас не проронил ни слова, когда мы использовали кабинки, хотя я крепко сжимала губы, чтобы удержаться и не сказать ей прекратить, черт побери, флиртовать с моим парнем. Если Лукас не видел, как она хотела его, то это он был сумасшедшим, а не я. И у нас будет серьезный разговор, когда мы вернемся в номер. Я не хочу ругаться, но мне нужно услышать от него, что он попросит ее съехать на этих выходных, в течение которых он будет со мной в отеле.

Затем мне нужно, чтобы он шептал мне на ушко грязные словечки.

Связал мои руки сзади.

Или, может, привязал ноги к стойкам кровати.

В нашем номере были стойки? Я не заметила, даже когда карабкалась по ней, когда он преследовал меня. Боже, это было так безумно. Вспомнив это, улыбка растянулась на моих губах, и мое настроение было почти веселым, когда я мыла руки. После того как высушила их, я нашла бальзам для губ в сумочке и начала наносить его на губы.

Мгновение спустя Джессика вышла из своей кабинки и встала к раковине рядом со мной. Ее помада была ярко-красной, так густо намазанной, что казалось, что она начнет осыпаться с ее губ. Лукас ненавидел блески и помады, мне хотелось сказать это ей.

Она заметила, что я смотрю на ее отражение. Впервые фальшивая улыбка исчезла с ее лица.

В действительности ее выражение лица было ледяным.

И когда она открыла свой рот, у меня было чувство, что ее слова будут такими же.

Я решила ударить первой.

— Что-то не так, Джессика?

Она сощурила свои холодные голубые глаза.

— Он никогда не женится на тебе. Если на это ты надеешься.

Это ощущалось так, будто она пнула меня.

— Что?

— Я знаю его. Он ведет себя как томящийся от любви, и ты думаешь, что получила его. Он сказал тебе, что не хочет жениться? Что не хочет детей?

— Да. — Я была слишком ошеломлена, чтобы послать ее.

— Ну, он серьезен в этом. — Она вытерла руки о полотенце и бросила его в корзину под стойкой. — Мы были вместе годы, и, если он не изменил своего решения ради меня, он точно не изменит ради тебя.

— Это не твое дело. — Наконец я немного пришла в себя, но она затронула больную тему.

Она посмотрела мне в лицо, изогнув бровь.

— Он все еще любит меня.

— Ты сумасшедшая.

— Так и есть. Он сказал мне, что всегда будет любить меня.

Мой желудок сжался, и я боролась, чтобы сохранить самообладание. Я не расклеюсь перед ней.

— Он просто чувствовал себя неловко из-за того, как все между вами закончилось, — сказала сквозь зубы. — Он пытается быть тебе другом.

Она кивнула, облизнула свою ярко-красную губу.

— Так вот почему он поцеловал меня прошлой ночью?

Гнев, который я никогда не чувствовала прежде, взорвался внутри меня, и я почти ударила ее хорошенькое лицо. Но что-то в ее выражении лица, когда она говорила это, намекало на ложь — или может, это было то, как она облизала свои губы во второй раз, в ожидании моей реакции. *Она лгала.*

— Ерунда, — я подняла подбородок.

Джессика пожала плечами.

— Если бы я знала о тебе, возможно, я бы не делала этого. Но он явно не хотел рассказывать мне о своей девушке. Мне интересно почему.

— Потому что он хочет, чтобы ты знала о его личной жизни! — огрызнулась я. — Может, потому что он знает, что ты сумасшедшая.

— Я не сумасшедшая. — Она повернулась, чтобы еще раз оценить свое отражение. — Я просто не хотела играть в его извращенные сексуальные игры. — Она наклонила голову на одну сторону. — Хотя думаю, что изменю свое мнение насчет этого. Возможно, я готова дать ему еще одну попытку. В любом случае, я решила, что мне не нужна женитьба. — Она хитро улыбнулась мне через плечо. — И Лукас так хорош в постели.

Злость прошла через меня с силой грузового поезда. Промчавшись мимо нее, я выскочила из уборной и вернулась в бар, все мое тело дрожало от ярости. Я хотела забрать Лукаса и уйти отсюда так быстро, как это было возможно.

— Эй, а вот и ты, — на лице Лукаса было облегчение, когда он увидел меня. Он нервничал, что мы с Джессикой остались наедине? *Может, потому что он переживал, что она мне что-нибудь расскажет?* Изображение того, как они целуются в его спальне, возникло у меня в голове.

Нет. Это неправда. Она лжет.

Но мне нужно услышать это от него.

— Лукас, мне жаль. Я не очень хорошо себя чувствую. Ты не возражаешь, если мы вернемся в наш номер?

На секунду я подумала, что он будет убеждать меня остаться, но он, должно быть, заметил изменение в моем поведении или то, как мои руки сжимали сумочку.

— Ладно. — Он встал и сказал друзьям: — Извините ребята. Мы собираемся наверх.

Когда он вытащил наличные из кошелька, я с извинением улыбнулась группе.

— Извините. Я просто устала. Долгий день. — Взгляд жалости на лице Андреа сказал мне, что она, вероятно, знает, в чем на самом деле была моя проблема, но я избегала зрительного контакта с ней. — Но мне было очень приятно познакомиться с вами.

Как только деньги оказались на столе, я схватила Лукаса за руку и потащила его из бара через вестибюль, отказываясь смотреть в направлении уборной. Когда мы достигли лифтов, я нажала на кнопку «вверх» и скрестила руки на груди.

— Миа, что случилось? — он взял меня за плечи и искал на моем лице подсказки. — Хэй. Ты в порядке? Джессика расстроила тебя?

Слезы заполнили мои глаза, и я покачала головой, не желая потерять самообладание в вестибюле отеля.

— Я расскажу тебе наверху.

Он сощурил брови, но не давил на меня. Когда двери лифта открылись, он положил руку мне на спину и завел меня внутрь, не убирая ее. На восьмом этаже мы вышли, я шла впереди него. Когда мы оказались в номере, я развернулась.

— Ты целовал Джессику прошлой ночью?

— Что? Нет! — Лукас включил свет, и его лицо сморщилось от отвращения.

— Она так сказала. А также, что ты сказал ей, что всегда будешь любить ее и поцеловал ее.

Лукас закрыл глаза и выдохнул.

— Боже. Не могу поверить в это. — Он пошел к кровати, расстегнул пальто и сел. — Она была расстроена вчера вечером, потому что очень сильно поругалась с сестрой, и плакала о том, как она разрушает все отношения, и никто не любит ее, и она умрет одинокой. Я пытался сделать так, чтобы она чувствовала себя лучше, но она все перевернула с ног на голову. Она всегда так делает.

— Ты целовал ее или нет?

— Нет! Возможно, я чмокнул ее в щеку, но не целовал ее.

— Ты поцеловал ее в щеку? — мой голос был полон ярости, как будто он только что признался, что облизывал ее задницу.

— Я всех целую в щеку, Миа!

Я должна была признать, что так и есть. Когда он встречал людей, которых знал, он всегда целовал их в обе щеки — это была французская привычка, и я обычно любила это. Но не тогда, когда это касалось Джессики.

— Я говорил спокойной ночи, — продолжил он. — Она собиралась лечь спать пораньше, а я ушел встретиться с другом, пропустить по пиву. Я звонил тебе, когда шел домой, помнишь?

Он звонил мне, и мы болтали и смеялись, и он не проронил ни слова о том факте, что прямо в тот момент она спала в его кровати. Чувствуя самодовольство и радость по поводу своего запланированного визита, я легла спать такой счастливой, даже не представляя о его огромном секрете. Я не могла позволить этому продолжаться.

— Что насчет того, что сказал ей, что всегда будешь любить ее?

Лукас выдохнул, проведя рукой по волосам.

— Она спросила, любил ли я ее по-настоящему, и я ответил, что да. Но я не говорил, что буду всегда любить ее. Может, когда-то давно говорил, но ты не можешь использовать это против меня Миа. Мы были вместе три года. Я говорил много всего.

Моя спина напряглась.

— Ты и мне говорил много всего.

— Миа, да ладно. — Лукас встал и обнял меня. — Давай не будем ругаться. У нас так мало времени вместе.

Это могла быть идеальная возможность, чтобы поднять ту тему, ради которой я приехала сюда, но я не сделала это. Вместо этого я думала обо всех милых вещах, которые Лукас говорил мне за последние восемь месяцев. Все это он говорил ей первой? Если у нас все развалится, он будет говорить это же кому-то другому? Мое горло сжалось. Боже, какой мимолетной и бессмысленной любовь может показаться, когда думаешь о ней таким образом. Какими пустыми становятся слова, которые мы говорим, когда остывают чувства, которые наполняли их.

Я не сомневалась, что Лукас имел в виду то, что говорил ей, так же как он имеет это в виду, когда говорит мне это сейчас. Он не был лжецом, просто чувства менялись. Это делало все лучше или хуже?

Его чувства могут измениться снова. Я знала это. Он знал это. Не поэтому ли он отказывался завязывать что-то большее, нежели отношения на расстоянии? Потому что он

был не уверен, что будет чувствовать в будущем?

Мое тело снова начало дрожать, но на сей раз это было не от злости.

Это был страх.

— Ох, милая. — Голос Лукаса был хриплым, но нежным. Его руки потирали мою спину. — Я люблю тебя. Я не люблю никого другого. И я никогда не буду чувствовать ни к кому другому то, что чувствую к тебе.

Мой подбородок дрожал.

— Ты, вероятно, говорил нечто подобное когда-то и ей.

Опустив свои губы к моему плечу, он нежно раскачивал меня из стороны в сторону.

— Ты знаешь меня. Я не останавливаюсь на прошлом и не зацикливаюсь на будущем. Я по правде говоря, не помню, что говорил это ей, потому что не помню, какого это любить кого-то кроме тебя. С того дня как мы встретились, все мои мысли о тебе. И чем больше ты со мной, тем больше я тебя хочу — как будто никогда не будет достаточно.

Боже, почему он должен говорить подобное? Разве он не знает, что это делает со мной?

— Ты на самом деле хочешь большего со мной?

— Конечно, хочу. — Он поднял голову и обхватил мое лицо руками. — Я хочу тебя всю без остатка.

Сделай это. Скажи это. Спроси его.

Хор голосов в моей голове умолял меня сделать то, ради чего я приехала сюда, но я не могла. Я слишком боялась — боялась услышать «нет», боялась услышать, что он любит меня недостаточно сильно, боялась быть вынужденной уйти из его жизни, чтобы сохранить свое достоинство. И свою мечту.

— Что там происходит? — Лукас наклонил мою голову из стороны в сторону.

Я закрыла глаза не в состоянии ничего сказать.

— Бедняжка. Сегодня столько всего произошло. Это было чересчур для тебя. Извини.

Я попыталась улыбнуться, хотя мое сердце было расколото на части. Это не работало. Я не могла продолжать так.

— Я думаю, ты прав. Это была… тяжелая ночь.

Он снова обнял меня, раскачивая меня из стороны в сторону, когда я боролась с еще одним наплывом слез.

— Она съедет с моей квартиры после этих выходных, я обещаю. Я напишу ей, что хочу, чтобы она уехала к вечеру воскресенья. Хорошо?

Это не имеет значения.

— Ладно.

— Знаешь что. Я голоден. Давай закажем еду в номер, бутылку вина и посмотрим фильм. Я уверен, что выберу что-то с беконом, и позволю тебе выбрать то, что мы будем смотреть. Как тебе?

— Звучит идеально, — сказала я в его плечо, сопротивляясь желанию ударить его кулаком в грудь. Вместо этого я обвила руками его талию, и мы обнимали друг друга, не говоря ни слова. *Почему, почему все не может быть по-другому?*

— И затем я собираюсь потратить остаток ночи, доказывая тебе, как люблю тебя. — Он поцеловал меня в висок. — Как сильно ты нужна мне. — В щеку. — Как сильно хочу тебя. — В губы. — И если в процессе этого ты не получишь хотя бы три оргазма, я начну все заново завтра. — Он остановился. — На самом деле, это также мой план на завтра.

Черт побери.

— Это тоже звучит идеально.
Абсолютно чертовски идеально.
Как я смогу найти силы уйти?

Глава 7

5 вещей, которые восхитительны, даже когда тебе грустно:

1) Обслуживание номеров — особенно сочный чизбургер с беконом, который подается с хрустящим картофелем фри.

2) Бутылка вина из Шатонеф-Дю-Пап, с великолепным французским мужчиной в дорогом номере. Или любом другом типе номеров. Или, по правде говоря, любое другое вино.

3) Массаж ног в исполнении французского мужчины, пока ты ждешь обслуживание номеров, в течение которого он целует твои ступни и клянется, что даже твои пальцы на ногах его заводят.

4) Получить шанс выбрать фильм и выбрать «Эта дурацкая любовь».

5) Секс с Лукасом (И да, их было три)

Я бы хотела сказать, что подумала, прежде чем занялась сексом, но правда в том, что после бутылки вина, массажа ног и дозы Райана Гослинга без футболки, было бы преуменьшением сказать, что я была в настроении. Где-то на задворках разума, я помнила, что ночь фантастического секса с Лукасом не была в списке вещей, которые помогут мне найти способ порвать с Лукасом, если до этого дойдет, но когда он предложил мне массаж всего тела с помощью его языка, все возможные способы были посланы к черту.

(Bonjour, оргазм номер один).

После массажа мы оказались у окна, и я обнаружила, что смотрю на центр Манхэттена в два часа ночи, я наклонена вперед, мои руки на холодном стекле, пока Лукас шепчет мне грязные словечки о вероятности того, что за нами могут наблюдать, пока он трахает меня.

— Тебе нравится это, не так ли, быть увиденной в таком виде, — говорил он между толчками своих бедер. — Когда мой член толкается в тебя. Когда твои ноги раздвинуты, рот открыт, а соски затвердели. Ты бы хотела, чтобы все видели, как ты чертовски красива, когда я заставляю тебя кончать.

Моя челюсть отвисла. Я была шокирована тем, как это возбуждало и возмущало меня — и его слова и сама мысль об этом. Часть меня хотела отойти от окна, а не выставлять себя напоказ в таком уязвимом положении. Но другой части нравилось быть анонимом в неосвещенном окне на восьмом этаже, бесстыдно открывать себя, позволяя другим глазам видеть то, что Лукас делал со мной

Как много пар глаз наблюдали оргазм номер два? Я понятия не имела.

Но мне понравилось это.

В конце концов мы упали на кровать, скользнули голыми под одеяло и обнялись. Левая рука Лукаса захватила мою, и он расположил их между моими грудями, переплетая наши пальцы. Его спина, торс и ноги окутали меня, его лицо зарылось в мои волосы, и я должна была чувствовать безопасность и тепло и удовлетворение.

Но это было не так. Я не могла перестать думать обо всем — о том, что не смогу убедить его дать друг другу более длительные обещания, обо всем фиаско с Джессикой, о страхе, что не смогу продолжать так дальше… *Не плачь, не плачь, не плачь.* Мои мышцы живота стянулись в узел, когда все сожаления и разочарования угрожали прорваться. Я

представила себе, что мои ребра — это клетка, которая пытается держать взаперти мое печальное, опухшее сердце. Но также быстро я представила, как любовь и печаль сочатся между прутьями, преодолевая любые попытки сопротивления моего тела.

Потому что я обожала этого мужчину, а он обожал меня.

Я знала это, я видела это, я чувствовала это.

Может, мы не должны были встретиться, или наоборот должны — у меня было много мыслей о судьбе и воле случая. Но правда была в том, что мы нашли друг друга в городе миллионов, и наша химия была бесспорна. Мы были разными, конечно же, но до сих пор эти различия дополняли друг друга. Я перестала так планировать каждую деталь своей жизни, я перестала мучить себя мыслями, что должна выйти замуж к тридцати, а Лукас узнал значение резервирования столика на ужин. Покупка билетов заранее. Продуктовые списки.

И секс. СЕКС.

Никогда не думала о себе как о девушке, которая любит, когда ее шлепают, связывают или трахают прямо перед окном в отеле. Лукас показал мне головокружительное наслаждение в том, каково это быть сексуально раскованной, и я позволила ему воплотить все его фантазии со мной. Я могла быть хорошей девочкой — большую часть времени — но у меня была шаловливая часть, в которой Лукас был заинтересован, и это заставляло меня чувствовать себя живой, сексуальной и красивой. Рядом с ним я была яркой и наиболее полной версией себя, и не хотела отказываться от этого. Никогда.

Даже ради семьи?

Я снова подавила слезы. Чего я хотела больше: Лукаса или семью? Что если он сказал, что все возможно, но ничего не изменит его мнения? Что если я упущу свой шанс иметь то, чего всегда хотела?

Если я хотела быть с ним, то должна была рискнуть.

Но что если это не стоило борьбы?

Печаль внутри меня отступила, превращаясь в решительность. Я сжала его руку у моей груди крепче. Если я не сумею показать Лукасу что то, что между нами есть — это более чем реально и заслуживает серьезных обязательств, то так тому и быть. Но я не вернусь в Детройт, не сказав ему, что готова сделать все возможное, чтобы сделать нас счастливыми, будет ли это мой переезд в Нью-Йорк, или просьба о его переезде в Детройт, или предложение, чтобы мы оба переехали куда-нибудь еще. Меня даже не волновало, если здесь у нас будут отдельные квартиры. Я просто хотела больше его, больше нас.

И если он скажет «нет» или если мы попытаемся и один из нас или мы оба будем несчастливы, то значит мы разойдемся, зная, что это не расстояние помешало нам выстроить нормальные отношения. И также никто из нас не будет делать что-то, что будет заставлять нас чувствовать себя некомфортно — его давать обещания о ближайшем будущем, или меня отказываться от шанса завести мужа и детей. Если Лукас поймет, что все еще не хочет семью, после того как мы перейдем на новый уровень отношений и это все еще будет тем, чего хочу я, я буду двигаться вперед, зная, что приняла верное решение.

Глубокое дыхание Лукаса сказало мне, что он уже спит, без сомнения отдыхая для третьего раунда, и сейчас, когда я приняла решение сказать то, зачем я приехала, я тоже начала засыпать. Закрыв глаза, я выровняла свое дыхание до его и еще сильнее прижалась к его теплому телу. Я поднесла его руку к своим губам. Безмятежность, которую я не чувствовала в течение длительного времени, захлестнула меня, и я надеялась, что он чувствовал то же самое. Мне нравилось думать, что наши сердца были удовлетворены, когда

бились так близко друг к другу.

#

Я проснулась от ощущения, как будто крылья бабочек щекочут мою руку. Мои глаза открылись, и на мгновение, я была в замешательства из-за обстановки вокруг. С задернутыми шторами комната была залита сероватым светом, и я заморгала, когда увидела кресло с высокой спинкой в углу, стол и шкаф.

Ох верно, номер в отеле. И Лукас.

Он снова медленно провел пальцами вверх и вниз по моему предплечью и проговорил шепотом:

— Миа? Ты проснулась?

— Да. — Мой голос был хриплым.

— Я все еще не могу поверить, что ты здесь. Я думал, что ты можешь быть сном. Или призраком.

Это заставило меня улыбнуться.

— Охотящимся за тобой голышом?

— Да, точно. — Он сглотнул. — Мы можем поговорить?

Я перевернулась на спину. Голова Лукаса опиралась на его правую руку, и даже в полутемноте, я могла видеть, что выражение его лица было серьезным.

— Конечно. Что такое?

— Ничего особенного. Я просто лежал и наблюдал, как ты спишь, и я… — он прочистил горло. — Ты такая красивая. Я становлюсь твердым, просто глядя на тебя, и я разрывался между тем, чтобы разбудить тебя для секса или позволить тебе спать, чтобы я мог любоваться тобой без оправданий и впитывать каждую деталь — запах твоих волос, форму рта, звук твоего дыхания, как поднимается твоя грудь…

— Боже, надеюсь, я не пускала слюни или что-то подобное. — Я быстро прикоснулась к своим губам, чтобы убедиться. Это так смущает, когда тебя так пристально и близко изучают, когда ты не подозреваешь, что за тобой наблюдают — я делала то же самое. Лукас был прекрасен, когда спал.

— Нет-нет, — его губы слегка приподнялись, просто на мгновение. — Ты идеальна в моих глазах. И все в тебе, каждая деталь, которую я заметил, напоминает мне о чем-нибудь.

— Например?

— Твои волосы напоминают мне наш первый совместный день в Париже. Я влюбился в них с того момента, как увидел тебя. И затем, когда мы гуляли по кладбищу, я схватил тебя сзади и вдохнул их запах. И я подумал: «Как, черт побери, это возможно, что ее волосы пахнут как пляж?»

Моя улыбка стала шире.

— Один из моих секретов, который я не расскажу.

— И твоя кожа — я никогда не забуду тот первый раз, когда ты разделась в моей квартире. Я пытался не представлять тебя голой весь день, потому что чувствовал вину, но затем ты оказалась у меня и хотела, чтобы я прикасался к тебе.

Мои внутренности расплавились как масло на горячей сковородке.

— Да, я хотела этого. Я ждала весь вечер, что ты прикоснешься ко мне, да на самом деле, весь день. — Повернувшись на левый бок, чтобы быть лицом к нему, я положила

ладонь на его живот и начала подниматься вверх к груди. И скользнула одной своей ногой между его.

— Это было невероятно — ощущение твоей кожи на моей. Это все еще так. — Лукас провел рукой от моего плеча к спине и затем к моему бедру, все мое тело покрылось мурашками. — И тот первый раз, когда я попробовал тебя. Иисусе.

Я улыбнулась.

— Ты заставил меня так громко кричать, помнишь?

— Я люблю заставлять тебя кричать.

Я положила руку на его спину, чтобы крепче прижаться к нему. Эго эрекция вжалась в мое бедро, и я почувствовала, как меня окутала волна сильного желания.

— И твой рот, — прошептал он, прикоснувшись к моему подбородку. — Я помню тот раз в моей квартире, после музея, когда ты опустилась на колени и взяла мой член в свой рот, полностью, до самого горла. — Он нежно поцеловал меня, его язык скользнул между моими губами. Я погладила его своим, переместила руку между нашими ногами и коснулась его жесткой длины своими пальцами. Его тело задрожало, и его член стал толще, когда он качнул своими бедрами к моей руке.

— Позволь мне сделать это снова, — я начала опускаться по его груди, оставляя поцелуи от его ключицы к одному из сосков, который я дразнила кончиком языком. — Я хочу этого.

Он схватил меня за плечи.

— Нет, подожди. Я должен сказать это.

Удивленная, я остановилась и посмотрела на него.

— Сказать, что?

— Так вот, я лежал и наблюдал, как ты спишь, отмечая каждую деталь в тебе, которую я люблю, и вспомнил все эти изумительные моменты, и, поблагодарив Господа за то, что ты здесь сегодня, я понял кое-что. И это ударило меня как пуля в грудь.

— Что? — в моей груди нарастало ощущение тяжести.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала.

Мое сердце перестало биться.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что не хочу, чтобы ты уезжала. Совсем. Я хочу быть с тобой все время, как сейчас. Каждый день. Каждую ночь. И я придурок, что позволил своему страху остановить нас от того, чтобы быть вместе.

— Итак… подожди. — Покачав головой, я встала на колени и опустилась на пятки. Он сделал мою работу за меня? Это правда было тем, о чем я думала? Это казалось чересчур, чтобы надеяться. — Что ты только что сказал?

Он сел и взял мои руки.

— Я говорю то, что ты сказала вчера. Я хочу большего. Я люблю тебя и скучаю по тебе каждый день. Я солгал, когда сказал, что счастлив от того, как обстоят дела — я не счастлив. Я хочу большего, я просто напуган.

Я чувствовала, что мне хотелось прыгать вверх и вниз на кровати, но попридержала свою радость. *Действуй с осторожностью. Ты еще не знаешь, чего он хочет.*

Он колебался, вопрос повис в воздухе между нами, и я почти снова задала вопрос, прежде чем он ответил.

— Останься со мной. Живи со мной.

Ладно, к черту осторожность.

— Да! — закричала я, обвивая свои руки вокруг его шеи. — Да, да, да! — Раскачиваясь из стороны в сторону, я вдохнула аромат его кожи. *О боже мой, он будет рядом со мной все время.* — Да!

Рассмеявшись, Лукас обнял меня за талию и притянул ближе.

— Извини. Кажется, я не могу придумать какое-нибудь другое слова.

Он сжал меня.

— Все в порядке. Мне нравится слышать, как ты говоришь «да».

Задыхаясь, я отстранилась от него и взяла за руки.

— Ты сказал, что напуган. Чего ты боишься?

— Много чего. Во-первых, я боюсь женитьбы. Ты знаешь это. Я видел, что было с моим отцом, когда мама ушла. И слова, такие как: всегда, вечность, пока смерть не разлучит нас… — Он покачал головой. — Они реальны? Я имею в виду, может, это и так, я не знаю. Прямо сейчас у меня такое ощущение, что мы будем влюблены всегда, я надеюсь, что так и будет, но женитьба меня очень пугает меня. Я видел, как она разрушает крепкие отношения. Вот почему я всегда настаиваю на своей позиции. Ты сказала, что не против этого, но что, если ты изменишь свое мнение и уйдешь от меня к кому-то, кто хочет этот кусок бумаги?

Я опустила его руки.

— Не сравнивай меня с Джессикой.

— Я этого не делаю, Миа, клянусь. — Он снова поднял их, поглаживая мои запястья своими большими пальцами. — Послушай. Ты совсем другая. Ты пугаешь меня намного больше чем она. Когда она ушла, мне было плохо, но ни разу я не подумал, что я не встречу никого другого, кого полюблю больше. Кого-то, кто будет относиться ко мне как ты, кто будет любить меня как ты. Кого-то, кто позволит мне любить ее так, как хочу я — всеми способам, которые я хочу.

Уффф.

Возбуждение прошло через меня при мысли обо всех этих способах. Черт побери, я любила их все.

— Я думаю, что это делает следующий шаг сложным для меня — не то чтобы я люблю тебя недостаточно, чтобы взять на себе более серьезные обязательства. Просто я боюсь, что не подойду тебе, что ты найдешь кого-то другого, а я никогда не найду кого-то такого восхитительного как ты.

Я покачала головой.

— Что?

— У тебя так долго в голове была идея фикс об идеальном мужчине. Бьюсь об заклад, он не выглядит как я, не звучит как я, или ведет себя как я. Я откладывал это признание — даже самому себе — что я хочу жить вместе, потому что прятал страх, что когда ты будешь со мной все время, ты поймешь, что я не то, чего ты хочешь. Я полагаю, что на задворках разума, я чувствовал, что будет безопаснее держать тебя на расстоянии. Но теперь я полностью облажался, потому что я люблю тебя слишком сильно, чтобы держать на расстоянии еще дольше. — Он выдохнул, прислонившись к изголовью кровати. — Черт, это так приятно высказать все это вслух.

Я подползла ближе к нему.

— Лукас, я тоже напугана. Моя жизнь совершила этот сумасшедший поворот за последний год и ничего не выглядит так, как я предполагала. Сейчас я не там, где думала, я

буду. И нет, ты не тот, кого я представляла, когда фантазировала об идеальном муже. Или идеальной свадьбе, идеальном доме, идеальной семье.

Он моргнул.

— Это должно заставить меня почувствовать себя лучше?

— Да. Дай мне закончить. — Я откинула простынь — святое дерьмо, я почти забыла, что мы голые — и оседлала его. — Я пытаюсь сказать, что для меня нет идеальной жизни без тебя. В действительности, я больше не мечтаю об «идеальной» жизни. Я мечтаю только о жизни с тобой.

Лукас сел и страстно поцеловал меня, запутавшись пальцами у меня в волосах.

— Я тоже мечтаю о жизни с тобой. Я хочу делать тебя счастливой, Миа. И если кольцо так много значит для тебя….

Я остановила его, прикоснувшись двумя пальцами к его губам.

— Прямо сейчас мне не нужно кольцо, Лукас. Мне не нужно свидетельство о браке. Мне даже не нужны твои обещания обо всем этом в будущем — прямо сейчас я счастлива просто слышать, что ты хочешь жить со мной. Мы можем попробовать и понять, к чему это нас приведет.

Он снова поцеловал меня, и когда его губы двигались по моим, а его руки держали мою голову, я поняла, что слова, которые я только что сказала, были правдой. Я приехала сюда с вопросом о том, как будет выглядеть наше будущее, но мозг Лукаса работал по-другому. Он не знал, как будет выглядеть будущее, он просто знал, что хочет строить его со мной. Он даже был готов надеть мне кольцо на палец, чтобы успокоить меня обязательствами.

Но к удивлению, я не хотела этого — не сейчас, по крайней мере.

Если он когда-нибудь и сделает предложение, я бы хотела, чтобы это было обдуманно, и страху не было места.

— Давай попробуем быть бесстрашными, Лукас, — пробормотала я, проведя руками вверх по его груди. Кровь бурлила в моих венах, и я чувствовала себя более живой, более веселой, более возбужденной, чем когда-либо. Не только в сексуальном плане — хотя его член был твердым подо мной, и мое тело испепеляло желание во всех правильных местах, но во всех смыслах, как будто все клетки в моем теле, которые дремали, сейчас проснулись и искрились энергией.

— Боже, я люблю тебя. — Он целовал мое лицо и опускался к моему горлу. — Но есть одно жизненно важное дело, которое я бы хотел выполнить.

Я наклонила голову, выгнув шею как лебедь, когда его язык скользил по моей коже.

— Какое?

— Ты должна получить номер три до того, как взойдет солнце.

— Доверься мне любимый, с этим не будет проблем. — Я раскачивала бедрами над его, скользя по его толстому стволу. — Я не знаю, это из-за твоего тела или разговора, но я сейчас так чертовски возбуждена.

— Я думаю из-за всего, но думаю, разговор закончен. — Потянувшись между нами, Лукас расположил свою твердую плоть между моими ногами, где я уже была влажная и изнывала от желания, чтобы он был во мне. Я приподнялась и взяла его член, потерев кончик о мой покалывающий клитор, прежде чем погрузила его в себя. Я любила наблюдать, когда я скольжу на его плоть, смакуя каждый дюйм. Любила то, как он задерживал дыхание, как сжималась его челюсть. Расположив руки у него на плечах, я наклонилась вперед и слегка поцеловала его в губы, дразня их. Он вдохнул через сжатые зубы, когда я наконец

опустила весь свой вес на его бедра, принимая его член настолько глубоко, насколько могла.

— Мммм, — замурлыкала я, возвышаясь над ним. — Я люблю быть сверху.

— Ох, черт. — Закрыв глаза, он провел руками по моим бедрам. — Я тоже люблю, когда ты сверху, потому что могу наблюдать за твоими движениями. — Он снова посмотрел на меня, в его глазах было предупреждение. — Но ты должна двигаться медленно.

Поднявшись на локтях, я убрала руки с его плеч и подняла свои волосы, собрав их на голове и удерживая их там своими руками. Затем я покрутила своими бедрами: медленно и чувствительно. — Вот так медленно?

— Ох, ты такая сучка. — Застонал он, его пальцы впились в мышцы моей ноги. — Ладно, вперед. Покажи свое маленькое шоу. Но когда ты двигаешься вот так, ты знаешь, что я не могу контролировать себя.

— Ты хочешь шоу? — дразнила я, позволяя моим волосам рассыпаться по плечам. — Я покажу тебе шоу.

Положив руки себе на грудь, я потрясла своим телом над его, позволяя движению как волне пройти через все тело: от плеча до бедра. Челюсть Лукаса отвисла, когда я начала играть со своими сосками. — Тебе нравится?

— Да, боже, я люблю это. — Он сел выше, оттолкнувшись от спинки кровати, и опустил свой рот на одну грудь, делая круг языком вокруг твердого соска. Я взяла его голову в свои руки и наблюдала, ахнув, когда он захватил твердую вершинку своим ртом, всасывая долго и жестко. Иисус, это ощущалось хорошо. Я задвигала своими бедрами, маленькими толчками, которые заставляли мои стенки сильнее сжиматься вокруг него.

— Опустись, — приказала я. — Сейчас же.

На мгновение я подумала, что он может обидеться, что я приказываю ему во время секса, но к моему огромному облегчению, он скользнул на спину, тяжело дыша. Он был так же близко, как и я. Он хотел этого так же сильно, как и я. Наклонившись вперед, я держалась за изголовье кровати, позволяя своим волосам упасть ему на грудь, когда я двигалась над ним, когда терлась своим клитором об основание его члена.

— Я весь день хотела трахнуть тебя вот так, — сказала я, объезжая его жестче с каждым словом. — И это так хорошо — получить тебя так, как я хочу.

— О боже мой. — Лукас схватил мои бедра и держал меня крепко, когда я подпрыгивала над ним. — Я сейчас так сильно кончу. Ты хочешь этого?

— Да, я хочу, сейчас. Сейчас! — мучительный крик сорвался с моих губ, когда я почувствовала, как он начал пульсировать внутри меня, наполняя мою киску жидким теплом. Каждый толчок его члена отправлял меня выше и выше, заставлял меня сжиматься, пока я наконец не стояла на краю «Сейчас», падая с утеса «Да, да, да», и утопая в море «О мой гребаный бог».

Глава 8

— Итак. — Лукас откинулся на сиденье в маленькой кабинке закусочной, которую мы выбрали для завтрака. — Теперь, когда мы решили жить вместе, нам нужно обсудить кое-какие важные вопросы.

— Согласна. — Я потягивала черный горячий кофе из кружки, лучший кофе во всем мире, поскольку я была взволнована. Возможно ли быть более счастливой, чем я была в этот момент? С прошлой ночи я была наполнена безумно радостной энергией, которая, казалось, подпитывала сама себя, умножаясь с каждым хорошим событием.

Много хорошего произошло.

В дополнении к тому, что Лукас предложил жить вместе, Коко написала, что DAC был свободен на выбранную Карен Уайт дату, и она уже поехала туда уточнять детали; моя мама отправила мне сообщение, что она решила остановиться в отеле, а не в моей квартире, когда будет навещать меня в следующем месяце (я люблю свою маму, но мы ладим лучше, кода не делим одну крышу над головой) и самое лучшее — Джессика съехала.

Когда Лукас проверил свой телефон этим утром, она уже написала ему сообщение, что приняла предложение работы на круизном лайнере и останется в отеле до своего отъезда на следующей неделе. Он хотел перезвонить ей и потребовать объяснений за ее поведение в уборной, заставить ее признать, что она солгала и извиниться передо мной, но я сказала ему забыть об этом. У меня было все, что я хотела, и мне не нужны были ее неубедительные оправдания и фальшивые извинения по телефону. И работа на круизном лайнере? Как чертовски идеально.

Bon voyage, русалочка. (прим. пер. Счастливого пути)

— Во-первых, — продолжил Лукас: — где мы будем жить?

— Ну, какой у нас выбор?

— Нью-Йорк? Детройт?

— Париж? — сказала я задумчиво.

Его глаза буквально искрились над краем чашки.

— Ты хочешь переехать в Париж? — поставив свой кофе, он посмотрел на меня задумчиво. — Ты не сможешь работать, пока не получишь разрешение, которое почти невозможно получить.

— Ох, — я сморщила нос. — Работа. Я забыла об этом.

Лукас рассмеялся.

— Мы можем ездить туда время от времени. Каждый раз, когда ты захочешь, когда учеба закончится в мае. На самом деле у меня будет неделя отпуска в марте. Я планировал использовать ее, чтобы приехать к тебе в Детройт, но Париж хорош в марте. Мы можем поехать туда.

Хлопнув в ладоши, как взволнованный ребенок, я завизжала.

— Мы правда можем поехать?

— Конечно. Но это не поможет нам выбрать, где мы будем жить.

— Верно. — Я откинулась назад, когда официантка сервировала наш столик тарелками с яйцами, тостами, картошкой и беконом. — Может, нам подбросить монетку?

Лукас подавился своим кофе и поставил его так резко, что он немного выплеснулся.

— Подбросить монетку! Чтобы решить, где жить? Кто ты и что сделала с моей Миа? —

я рассмеялась, когда он продолжил. — Разве ты не хочешь составить список или что-то подобное? Плюсы и минусы каждого города? Сравнить и сопоставить стоимость жизни?

Я скомкала салфетку и бросила в него.

— Ха-ха. На самом деле, нет, — я продолжила, поднимая вилку со своим греческим омлетом. — Я говорила правду, когда сказала, что буду счастлива с тобой где угодно. У меня есть бизнес в Детройте, поэтому я должна подумать об этом. Мы с Коко начали его вместе, и пока я думаю, что она может справиться с ним самостоятельно, может, с помощью, но мне будет сложно все оставить и уехать.

— Хмм. — Лукас использовал мою салфетку, чтобы вытереть кофе, который он пролил. — А здесь у меня преподавательская должность, но моя выпускная работа завершена. Я могу найти другую должность где-нибудь еще. Или… — Откусив тост, он жевал мгновение, прежде чем продолжил: — Или я могу заняться чем-то совершенно другим.

— Например?

— Я думал о том, чтобы позже открыть свое собственное дело.

— Типо чего?

— Бар, не просто обычный бар, где можно напиться, не обычный коктейльный или винный бар. Что-то другое.

Я откусила кусочек бекона.

— Расскажи мне.

— Ну, Граф недавно инвестировал в старый вино-водочный завод, и они производят абсент, который в настоящее время снова законен для импорта в США.

— Я уже люблю эту историю. — Граф был настоящим французским аристократом и владел прекрасной виллой и виноградником в Провансе, которую я посещала прошлым летом с Лукасом. Прежде он был женат на бывшей кинозвезде, маме Лукаса, и был отцом сводных братьев Лукаса, хотя оказалось, что он предпочитает мужчин. Его партнер Генри управлял виноградником, и в странном круге дружбы, от которого моя голова шла кругом, все стороны ладили. Мама Лукаса — Мирель и ее муж на данный момент (он тоже не отец Лукаса) часто проводили отпуск на вилле, и я встретила их всех, когда была там. — Продолжай.

— Продукт, который они изготавливают — настоящее дело. Подлинный рецепт девятнадцатого века, из высококачественных растений долины Луары, и обработка полностью вручную, с использованием старинных точных методов. Никаких промышленных или синтетических добавок.

— Ничего себе. Но они могут сделать это? Разве этот оригинальный абсент не заставляет видеть зеленых фей, розовых слонов или что-то подобное?

— Это самый настоящий миф. Абсент опьянит тебя, если ты перепьешь, но не заставит видеть галлюцинаций. И ты на самом деле не должен напиваться им — это не как пиво, вино или даже водка, которые ты можешь сидеть и попивать всю ночь. — Он поморщился. — Вот почему я не знаю, сработает ли моя идея с американцами.

Я тоже поморщилась.

— Прояви к нам хоть немного доверия. В чем твоя идея — заниматься его импортом?

— Он уже импортируется, но публика для него по-прежнему растет. Он дорогой, из-за ингредиентов и методов, которые используются для его выработки, но он обращен на высококлассный рынок, состоящий из людей с тонким вкусом, которые не прочь платить

больше за настоящую вещь.

— Так что ты будешь делать с ним?

— Я думал открыть бар, специализирующийся на абсенте во Франции, но в котором также будут подаваться другие, фирменные коктейли. Что-то полностью отличное от «Бивер», — сказал он, упоминая спорт-бар своего брата в Париже, где мы познакомились.

— Эй! — я предупреждающе подняла палец. — Не надо наезжать на «Бивер».

Уголок рта Лукаса приподнялся, но я могла сказать, что он хотел, чтобы я восприняла его серьезно. Прошлым летом в Париже, он упоминал, что он думал об открытии бара, может, в Париже, может, в Нью-Йорке, но тогда он не был так решителен и заряжен идеей как сейчас.

— Ничего плохого нет в «Бивере». Я люблю это место. Но это будет кое-что другое — что-то поменьше, более приватное, более дорогое, более требовательное в плане того, что подают.

— Мне нравится это. На самом деле это звучит как «The Sugar House» в Детройте — помнишь мы как-то ходили туда, чтобы выпить? Они тоже делают фирменные коктейли.

— Я помню. И с тех пор это место постоянно крутится в моей голове. Мое место будет наподобие него, но с большим упором на абсент. Я буду подавать его в традиционном французском стиле и то же самое будет касаться коктейлей.

— На Манхэттене есть бары, специализирующиеся на абсенте?

Он кивнул.

— Несколько. Мы можем посетить их.

— Так ты откроешь его здесь? Кажется, это не самое лучшее место, я имею в виду, как много баров, специализирующихся на абсенте, выдержит один город?

— Нью-Йорк большой город, а мое место будет маленьким. Но я не до конца уверен, что это будет здесь. — Он отрезал кусок свое яичницы. — Что насчет Детройта? Может ли место, о котором я говорю, сработать там?

Взбалтывая остатки своего кофе в чашке, я думала над этим.

— Трудно сказать. Я имею в виду, у «The Sugar House» хорошая популярность. Там всегда забито людьми. В действительности, иногда бывает очень трудно попасть туда. Они не делают бронирование столиков, и их площадь не такая уж большая. На выходных приходится очень долго ждать.

— Верно.

— Знаешь, — сказала я, поставив свою чашку на стол. — Это может сработать, Лукас. Я могу помочь тебе.

— Да? — он изогнул бровь. — Как?

— У меня есть степень в бизнесе, опыт планирования разных видов мероприятий, а также их проведения, и я знаю город. Я могу помочь тебе найти лучшее расположение, составить проект интерьера, помочь на этапе открытия… а у тебя есть опыт работы в баре. — Я немного подпрыгнула на месте. Чем больше я говорила, тем больше взволнованной становилась. — Я даже могу работать на тебя, администратором или типа того. Таким образом, я не откажусь полностью от своего бизнеса. Коко сможет взять на себя более активную роль в «Девин Ивентс», пока мы не наладим работу в твоем месте.

Лукас пожал плечами.

— Я думаю, это стоит принять во внимание. Хотя нам придется сделать серьезный поиск информации. Набросать предварительный план.

Я хлопнула ладонями по столу.

— Составить… парочку списков? — я задрожала. — Я думаю, что только что испытала оргазм.

Рассмеявшись, он поднял свой кофе.

— Я выпью за это.

Тоже подняв свою чашку, я чокнулась с ним.

— Ты уже придумал название?

— Несколько. Но одно, которое я люблю больше всего, относится к истории абсента в Париже.

Я подмигнула ему.

— Боже, я люблю Париж.

Он улыбнулся.

— То, что мы называем «время коктейля» (прим. пер. По-другому «счастливый час» — время действия скидок на алкогольные напитки в магазинах, барах) — около пяти вечера, в Париже в девятнадцатом веке называли «зеленый час», потому что все в то время потребляли абсент. Видимо, производители вина страдали от какой-то чумы, поэтому поставки были низкими.

— Виная чума? Просто убей меня.

— Очень смешно. В любом случае я думаю насчет «Зеленый час».

Медленно кивнув, я обдумывала это.

— Мне нравится. Я думаю о том, как будет выглядеть место. Мне нравится идея винтажа девятнадцатого века, смешанного со стилем Детройта. Как будто арт-нуво смешивается с индустриальным шиком.

Лукас закатил глаза.

— Индустриальный шик? Это тема.

— Это идеальная тема.

— Да поможет мне Бог.

Мы закончили свою еду и еще немного поговорили о возможном расположении в Детройте и даже за пределами города. Мне нравилась идея остановиться в центре города и использовать витрины магазина в стиле девятнадцатого века в старом районе, но я знала, что мы должны рассмотреть все варианты.

— Лукас, у тебя есть деньги открыть подобное место? — спросила я, когда мы одевались, чтобы выйти на холод. — Я не уверена, какая стоимость аренды в старых зданиях, но это должно быть дорого.

Он кивнул, завязывая шарф вокруг шеи.

— Не сравнится с Манхеттеном, держу пари. У меня есть накопленные деньги, и Граф с Генри тоже хотят инвестировать.

— Это идеально. — Мы направились к выходу. — Так что теперь?

— Я полагаю, что мы начнем наш поиск. — Лукас открыл для меня дверь, и я ступила в холодное, серое утро. Снег все еще падал, хотя сегодня это были большие хлопья, которые медленно падали на землю.

Я задрожала.

— Ты уверен, что мы не хотим рассмотреть вопрос о переезде в более теплое место? В Детройте также холодно, как и в Нью-Йорке. Если не холоднее.

Лукас обвил руку вокруг моего плеча.

— Я согрею тебя, без разницы, в каком месте мы будем.

На краткое мгновение, положив свою голову ему на плечо, я зашагала с ним нога в ногу и обняла его за талию.

— Так, ты хочешь переехать в мою квартиру, ели все получится?

Он поцеловал меня в голову.

— Если получится что… ты и я?

— Нет, глупенький. Бар в Детройте.

— Ах, это.

Я ударила его в живот своей свободной рукой.

— Да, это.

— Могу, если ты думаешь, что там хватит места.

— В ней две спальни и две ванны, и мне нравится расположение. К тому же, я уже владею ею. — Я посмотрела на него. — Когда заканчивается твой договор аренды?

— В конце мая.

Мое настроение немного упало — еще целых три месяца. В великой схеме задуманного, это не так долго, но я была так взволнованна, что не могла сдержать разочарование, что нам придется еще подождать. Моя реакция, должно быть, была очевидна, потому что он сжал мое плечо.

— Эй, эти три месяца пролетят быстро. И я приеду в Детройт два или три раза в течение этих месяцев, чтобы присмотреть помещения.

— Я знаю. Просто я взволнованна по поводу всего. И сгораю от нетерпения! — рассмеявшись, я немного попрыгала вверх и вниз. — Я хочу все хорошее, что мы задумали и хочу это сейчас!

Лукас тоже рассмеялся, притянув меня ближе, чтобы поцеловать в лоб.

— Ты получишь все это хорошее, Миа, я обещаю. Все что я могу дать.

Я хотела еще пошутить, сказать что-то кокетливое, или даже сказать, что сделаю то же самое для него. Но мое сердце подпрыгнуло до горла, и я не могла говорить. Вместо этого я положила свои руки в перчатках на его уши, встала на цыпочки и прижалась к его губам. Мы стояли, целуясь, на ледяном цементе в леденящий холод, снежинки падали на наши шерстяные пальто, наши волосы, наши ресницы.

Но наши губы были теплыми.

Эпилог

6 месяцев спустя…

По воскресеньям мы спали долго. Каждый другой день недели мы просыпались рано. Лукас шел прямо в «Зеленый час», чтобы следить за строительством, встречался с агентами по продажам или проводил собеседование с кандидатами, а я шла в «Девин Ивентс», чтобы сделать так много работы как возможно, перед тем как встретиться с Лукасом во второй половине дня, чтобы поработать над дизайном интерьера в баре. Иногда мне было сложно соблюдать выделенный бюджет, и меня нужно было обуздать, но Лукас доверял моим суждениям и обычно позволял мне делать более дорогой выбор.

Особенно, когда я уговаривала его минетом в его кабинете.

Открытие бара было запланировано на следующий месяц, и он уже выглядел удивительно. Лукас снял помещение старого магазина на Вудворд авеню, что означало, что мимо будет проходить много людей после работы, и также место будет привлекать людей, которые приехали в центр за культурными или развлекательными событиями. Это не будет привлекать любителей пива, но здесь уже много мест, обслуживающих эту аудиторию. «Зеленый час» был другим — маленьким, темным, с интимной обстановкой. Я работала с дизайнерами, которым нравилась моя идея смеси модерна с индустриальным шиком, и вместе мы нашли элегантные диваны, кресла, барные стулья, и также мы приобрели произведения искусства для кирпичных стен. Все это контрастировало с грубыми полами и столами, открытым взору трубопроводом, металлическими акцентами и светильниками, которые были сделаны из старинных частей.

Я любила все это, но больше всего я любила видеть Лукаса счастливым, даже когда пришел счет за доставку антикварной барной стойки, которую он приобрел во Франции, Ему потребовалась всего одна ночь, чтобы напиться и раскачиваться вперед-назад на полу, задаваясь вопросом, как он будет расплачиваться с долгами. Но на следующую ночь он уже снова улыбался, тренируя барменов и обучая их правильному способу обслуживания клиентов, заказавших абсент. Планы на празднование открытия были на стадии реализации, и на нашем холодильнике висело красивейшее приглашение, дизайном которого занималась Коко, которые были разосланы нашим друзьям, клиентам и прессе.

Наш холодильник. Я чертовски любила это.

Почти так же, как любила утро воскресенья, когда мы просыпались позже, занимались сексом и вместе готовили поздний завтрак. Затем мы ели на балконе в наших пижамах, не заботясь о том, кто нас увидит.

— Хочешь блинчики на завтрак? — спросил Лукас, вырисовывая круги на моей спине. Раннее полуденное солнце пробивалось сквозь жалюзи, и я распласталась на его теле в посторгазменном состоянии, звезды все еще мелькали перед глазами. Он мог предложить поесть грязь на завтрак, и я с радостью бы согласилась.

— Ммм. Блинчики.

— И бекон?

— Бекон, — простонала я.

— Я думаю, у нас есть апельсиновый сок. Ты будешь?

Я снова вздохнула, убирая свою липкую щеку с его груди и, глядя на него с

подозрением.

— Да. Это сон?

Он вытянул руку и ущипнул меня за задницу.

— Возможно, твоя задница слишком великолепна для реальной жизни.

Я посмотрела на него через свое плечо.

— Она реальна.

Он легонько шлепнул меня.

— Иногда это ощущается как сон. Все это: новый город, бар, проживание с тобой. Иногда ничего из этого не кажется реальным. И это все произошло так быстро.

Так и было. Лукас прилетал несколько раз, чтобы выбрать место и встретиться с поставщиками, в то же время занимаясь преподавательской деятельностью, а в конце апреля он окончательно переехал в Детройт. Мы жили вместе на протяжении трех с половиной месяцев, и это было лучше, чем я могла представить — по крайней мере, для меня. Лукас был не из тех, кто раскрывал чувства по поводу таких важных вещей, и я пообещала сама себе, что не буду давить на него, но возможно я могла бы… проверить.

Я подперла подбородок руками.

— Хотя это хороший сон, правда? Я имею в виду, ты счастлив здесь?

Он потрепал мои волосы.

— Должен признать, счастливее, чем когда-либо был.

Я поцеловала его в грудь и лукаво улыбнулась.

— Ты был так напуган.

— Был.

— И посмотри, как это прекрасно.

— Что? Жить вместе? Видеть твое лицо самым первым утром и самым последним перед сном? Вдыхать запах твоих волос, когда я сплю? Трахать друг друга до безумия в любое время и в любом месте, когда нам угодно?

— Да, это.

Он улыбнулся.

— Да, это прекрасно. Я рад, что задумался об этом.

— Я уверена, что это я первая задумалась об этом. Но я знала, что ты в конечном итоге прозреешь. — Обняв его тело руками, я снова положила щеку на его грудь.

— Я не знаю, прозрел ли я, но я определенно уверен, что могу делать это более долгое время. — Он остановился, играя с моими волосами, позволяя им проскальзывать сквозь его пальцы. — Может даже дольше, чем долгое время. Возможно, на постоянной основе.

Мое следующий вдох застрял в легких, и я замерла, мои глаза широко открылись. О чем, черт побери, он говорит?

— Нечего сказать? — он потянул несколько прядей. — Что ты думаешь об этом, принцесса? О том, чтобы сделать эту договоренность постоянной?

Медленно, я подняла голову и посмотрела на него. Он был серьезен.

— Я знаю, что это застало тебя врасплох, но я думал об этом несколько недель и кажется, сейчас действительно подходящий момент.

Я открыла рот, и в конечном итоге слова сорвались с языка.

— Это твоя идея… предложения?

Он улыбнулся.

— Да. Я полагаю.

Подскочив на колени, я продолжала смотреть на него с открытым ртом, мое сердце бешено стучало в груди.

— Я… я… я не знаю, сказать да, или поцеловать тебя, или сказать да и ударить тебя моей подушкой за то, что делаешь это так! Я совсем не готова! Я в шоке!

Он пожал плечами.

— Ты знаешь меня — мне нравится все спонтанно. Так это «да» в любом случае? Неважно ударишь ли ты меня подушкой или нет?

Я схватила подушку и стукнула его по голове.

— Да!

Он рассмеялся, выхватил подушку из моих рук, прежде чем навалился на меня. Я опрокинулась назад, моя голова была у изножья кровати.

— Ты уверена? Я знаю, что ты не планировала такого мужа — нечёсаный полуфранцуз, играющий на гитаре бармен, который сам стрижет себе волосы.

Я улыбнулась. Эти волосы. Они были в обычном беспорядке этим утром, и нуждались в стрижке — настоящей стрижке, в салоне. Каждый раз, когда я смотрела на них, это напоминало мне, как не права я была насчет стольких вещей и какой удивительной и щедрой на сюрпризы может быть жизнь. Я провела руками по его волосам.

— Нет, ты не тот, о ком я мечтала. Ты намного лучше.

Он нежно поцеловал меня, отчего мое тело покрылось мурашками.

— Хорошо. — Его лоб слегка сморщился. — Я не купил тебе кольцо. Но обязательно куплю.

— Все в порядке, ты можешь сделать мне сюрприз в любое время. — Я улыбнулась ему, потянув его за ухо, — ты заставил меня полюбить сюрпризы.

— Ты заставила меня полюбить слово «вечность».

— Ты больше не напуган?

Он покачал головой.

— Ты знаешь что? В последнее время я подумал, что самое страшное в «вечности» — это представить ее без тебя.

— Я буду с тобой, — сказала я, — я обещаю. — Его красивое лицо зависло над моим, из-за чего в моем животе запорхали бабочки. *Я буду просыпаться рядом с ним остаток жизни каждое утро!* Этого было достаточно, чтобы я расплакалась. — Я все еще не могу поверить в это, Лукас. Я думала, что ты никогда не захочешь жениться.

— Я научился не говорить никогда, в том, что тебе важно.

— Насчет… всего? — я искала его глаза, надеясь, что он поймет, что я имею в виду. Они были яркие, ясные и полны понимания.

— Насчет всего.

Счастье наполнило меня, из-за чего мои пальчики на ногах поджались.

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя. — Он опустил голову, чтобы снова поцеловать меня, но резко отстранился. — Эй. У нас будет одна из этих больших свадеб? Со слонами, оркестром и благословением Папы? — Когда я рассмеялась, он сел. — Я серьезно. Мы же не будем устраивать такую?

Я оперлась на локти и задумалась на секунду.

— Знаешь… Нет. Не будем. Мне даже будет плевать, если мы просто сбежим, только ты и я, и кто-нибудь нас распишет.

— Правда?

— Правда. В прошлом году, когда я планировала эту огромную свадьбу с Такером, которая превратилась в огромное фиаско, все, что имело значение — платье, цветы, место. Я была так отвлечена всем этим, что ослепла к тому факту, что мы не любили друг друга так, как должны были. Это было шоу. Правда красивое шоу, но все-таки шоу. Это было для других людей. — Сев, я жестом показала между нами. — Это настоящее. Наша свадьба будет для нас. Это все, что мне важно.

— Ты говоришь это сейчас, но ты разве не хочешь, чтобы наши друзья были там? Твои родители?

Я прикусила губу.

— Хмм. Может, ты прав. Я думаю, что Коко и Эрин прибьют меня, если я тайно выйду замуж. В конце концов, они те, кто настояли на моей поездке в Париж.

Лукас улыбнутся.

— Когда я закрываю глаза, я все еще могу видеть, как ты врываешься в бар в Париже, злая как черт, но прекраснее всех, кого я видел прежде.

— Я злилась. И ты так раздражал.

Он улыбнулся, вытянул руки и переместил меня к себе на колени.

— Но ты осталась.

Я обняла его шею руками.

— Так и есть. Хороший выбор. — Он снова поцеловал меня, в наших мыслях был Париж, и внезапно у меня возникла идея. — Лукас, — я сказала, мои губы все еще были на его. — Я кое о чем подумала.

— Я тоже. Какое совпадение. — Его рука двинулась к одной моей груди и нежно сжала.

— Нет, не об этом. Я имею в виду и об этом тоже, но дай мне минутку. Мы можем пожениться в Провансе? На вилле?

Он выглядел удивленным.

— Ты хочешь пожениться во Франции?

— Когда мы были там, эта картинка была у меня в голове… я так ясно видела это. Мы бы могли пожениться снаружи возле сада или может, в саду, и после этого устроить веселую вечеринку, ужин в патио или у бассейна. Это было бы так красиво.

Лукас почесал голову.

— Я уверен, что Граф и Генри одобрят это. Но ты правда хочешь планировать свадьбу, находясь за тысячи миль? Это может быть тяжело, и могут возникнуть определенные вопросы с законом. Плюс, привезти всех туда, организовать все… кажется так много всего нужно сделать. И мы планируем открытие бара.

— Я планировщик свадеб! Я справлюсь со всем этим! — я страстно поцеловала его. — Пожалуйста. Скажи, что мы можем. Маленькая свадьба, я обещаю.

— Просто пообещай мне, что мне не нужно будет ничего делать, кроме как, появиться там, а ты будешь ждать меня, чтобы выйти за меня замуж.

— Обещаю. — Мое сердце билось как сумасшедшее, я усилила хватку на его шее и уткнулась лицом в его шею. — Спасибо тебе. — Миллион счастливых мыслей пролетели в моей голове. *Мы помолвлены. Мы поженимся в Провансе. Я должна рассказать девочкам. Я должна составить планы. Дорогой Бог, списки, которые мне нужно будет составить — восхитительные гребаные списки!*

Вцепившись в него, я прижалась губами к его и поблагодарила свою счастливую звезду,

что будет исполнено мое каждое желание. Любая другая жизнь кроме этой, была бы неправильной для меня. Лукас был всем, в чем я нуждалась и о чем мечтала — он не был парнем, который планировал все наперед, представляя дом, детишек и собаку прежде, чем мы были готовы в этому. Но он знал, что все это значит для меня, и попросил меня провести с ним вечность.

Мы знали, когда настанет правильное время. Я устанавливала жизненные сроки, Лукас никогда не говорил никогда, и где-то в середине этого пути была наша идеальная жизнь.

Поцелуй превращался во все более страстный, и Лукас уложил меня на спину, опуская свое тело на мое, и я очистила свой разум от всего, кроме него. Здесь и сейчас.

Конец

Бонус 1

Прованс, Франция

Находясь в объятиях Лукаса на танцполе, я глубоко вдохнула и задержала ароматный воздух в своих легких. Я хотела, чтобы весь этот момент остался в моей памяти — свет, милая сладость, которую приносил ветерок с полей лаванды, скопление крошечных, сверкающих как бриллианты звезд на затемненном небе, мягкий свет от свечей на каждом столе, облицовка гравийных дорожек, окружающих виллу, и ликующее шипение шампанского на моем языке. В моих ушах гул разговоров, смешанный с ленивым ритмом винтажной джазовой баллады, которую играли музыканты в патио. Ранее, Лукас присоединялся к ним на несколько песен, одна из которых была «La Vie En Rose», которая имела для нас особое значение.

Несмотря на теплый вечер, мои руки и спину покалывало от мурашек, пока он играл, и каждый раз, когда он отрывался от струн и смотрел мне в глаза, в моем животе порхали бабочки.

И это случилось снова, когда он притянул меня ближе, достаточно близко, чтобы я почувствовала щекой легкую колючесть щетины на его подбородке. Выдохнув, я закрыла глаза и задрожала. Это может быть реальным?

— Холодно, любимая? — Лукас сжал меня крепче.

— Нет. Я просто счастлива. — Я открыла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Коко и Ник встают из-за своих мест за столом рядом с танцполом и скользят в тень оливковой рощи. Зависть сжала мои внутренности.

— Но я буду еще более счастливой, когда мы покинем толпу.

Он рассмеялся.

— Это ведь ты была одержима, пока планировала эту свадьбу столько времени, и сейчас хочешь уйти пораньше? Что, если кто-то ошибется? Что, если кто-то нарушит сценарий?

— Очень смешно. — Я хлопнула его по плечу. — Но я хочу уйти. Не потому что это не совсем то, что я хотела, а потому что хочу остаться с тобой наедине. Я правда скучала по тебе прошлой ночью. Я знаю-знаю. — Я продолжила быстро, смущенно улыбнувшись ему, прежде чем он смог начать дразнить меня. — Это я настояла на том, чтобы мы спали раздельно в ночь перед свадьбой. И у меня была восхитительная ночь хихиканья и воспоминаний с Коко и Эрин. Но я все равно скучала по тебе.

Лукас поцеловал меня в нос, а затем в губы.

— Я тоже скучал по тебе. — Он улыбнулся, озорные искорки вспыхнули в его темных глазах. — Миа Фурнье.

Головокружение так быстро накрыло меня, и я встала на цыпочки.

— Мне нравится, как это звучит. — Наши губы встретились снова в мягком, длительном поцелуе, опьяняющем своей сладостью. Но глубоко внутри меня что-то зашевелилось и напряглось.

Я получила достаточно сладости.

И судя по эрекции, которая увеличивалась возле моего бедра, он чувствовал то же самое.

— Лукас, — прошептала я, — потираясь своими губами о его. — Ты думаешь, мы могли

бы…

— Пойдем. — Не дожидаясь продолжения моего вопроса, не говоря ни слова нашим гостям, он взял мою руку и повел меня к задней части дома внутрь через кухонную дверь. Когда мы зашли туда, Лукас поднял руку в знак приветствия персоналу и сказал что-то на французском, что заставило их смеяться и понимающе кивать. Покраснев, я тоже попыталась улыбнуться, но у меня было такое чувство, что Лукас не старался скрыть мотив нашего побега от толпы и того, что мы пробрались через заднюю дверь. Мое сердце бешено стучало от предвкушения, и я с радостью вспомнила о сексуальном и мало что прикрывающем нижнем белье, которое было под платьем.

Прошмыгнув через арку в дальнем конце большой, заполненной комнаты, Лукас открыл дверь и толкнул меня на узкий лестничный пролет. Он расстегнул свой пиджак, заставляя мои внутренние мышцы сжаться, прежде чем закрыл за нами дверь.

В резкой темноте каждый звук был усилен — стук моего сердца о ребра, тяжелое дыхание, покидающее мои губы, медленный, глухой стук каблуков Лукаса по каменному полу, когда он подходил ко мне.

— Что ты им сказал? — прошептала я, когда он, положив руки на мою талию, подтолкнул меня к лестнице. Когда мои каблуки ударились о первую ступеньку, он поднял меня на нее и опустился передо мной.

— Я сказал им, — начал он, его акцент сильно проявлялся в словах, так было всегда, когда он был возбужден, — что я хочу несколько минут наедине с невестой. — Он засунул руки под пышный край моего платья, и когда он вставал, он скользил руками от моих лодыжек до бедер, поднимая тяжелые слои тюля и шелка. Он прижал губы между моими грудями, в моем глубоком V — образном декольте. — Но я попросил их, не рассказывать ее мужу.

Глупый смешок сорвался с моих губ, когда дыхание Лукаса щекотало мою грудь. Мои соски были твердыми и их покалывало, и я слегка выгнула спину.

— Не переживай. Это будет нашим секретом.

— Хорошо. — Его голос был низким и грубым. — Потому что я больше и минуты не смогу удержать свои руки от тебя. — Он скользнул одной рукой между моими бедрами, которые были липкими от жара и желания. — Я наблюдал за тобой весь вечер, умирая от желания прикоснуться к тебе здесь. — Он скользнул своим пальцем вдоль крошечной полосы кружева между моих ног. Мой рот открылся, и я прижала ладони к холодной стене по обеим сторонам от меня. — Шире, принцесса, — прошептал он, раздвигая внутренние стороны моих бедер тыльной стороной ладони.

Я сделала так, как он сказал, снимая одну босоножку на высоком каблуке, слегка постанывая, когда его большой палец ласкал мой клитор через кружево.

— Вот так. Мне нравится слышать тебя, но не слишком громко. Нас не должны застукать здесь, миссис Фурнье. Что подумают гости? — его палец отодвинул кружево в сторону и скользнул в меня, медленно и гладко. — Что они скажут о женщине, которая только что вышла замуж, а ее уже лапает незнакомец.

— Я не знаю, — я проскулила в ответ, мои колени дрожали, так же как мой голос. Эта игра возбудила меня так же сильно, как интимные прикосновения. Лукас был так хорош в этом — это удивляло меня, когда я думала, что секс с ним не может быть еще больше возбуждающим.

Он согнул палец, и наклонился, чтобы прошептать мне на ухо.

— Что они подумают, если увидят, что тебе нравится это, твоя киска мокрая и истекает влагой на мою руку? Если бы они поняли, каким твердым ты делаешь меня? Если бы они услышали, как ты вздыхаешь, увидели, как твое тело умоляет быть оттраханным прямо здесь на лестнице в твоем свадебном платье?

— Да. Пожалуйста. — Я облизала свои губы, смакуя то, как от его слов все внутри меня напряглось, как натянутая веревка. — Я хочу. Я не расскажу.

— Ты хочешь, что, миссис Фурнье? — он погрузил свой палец дальше, затем вытащил, чтобы потереть бархатистое влажное желание над моим клитором. — Скажи мне точно, что ты хочешь, чтобы я сделал.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня, — прошептала я, задыхаясь, насаживаясь на его руку. — Прямо здесь на лестнице. В моем свадебном платье.

— Тебе нравится это?

— Да. — Я убрала одну руку от стены и протянула ее ему между ног, проведя ладонью вверх и вниз сквозь его брюки по его твердой эрекции. Мои губы коснулись его уха. — Я хочу тебя внутри себя.

Его тело качнулось вперед на мое прикосновение, и я расстегнула пуговицу и молнию на его брюках. Оборачивая пальцы вокруг его возбужденного твердого члена, я провела рукой вверх и вниз несколько раз, прежде чем он застонал от нетерпеливого удовольствия.

— Держи свое платье. — Я взяла подол платья, и он опустился вниз, чтобы стянуть мои трусики до лодыжек. Когда он встал, я сбросила их на пол. — Вот так. Теперь раздвинь свои ноги. — Протянув руку под мое платье, он расположил себя у моего центра желания и медленно толкнулся внутрь. Затем он обхватил руками мои бедра, обернул мои ноги вокруг своей талии, когда я сжала его плечи, мое платье было зажато между нами.

— Да, — прошептала я, когда он насаживал меня на свой член, мои пальцы погрузились в плотную ткань его пиджака. Когда мы были дома, я наблюдала, как он положил костюм на нашу кровать, чтобы сложить его в чемодан, и я не смогла удержаться, чтобы провести ладонью по темно-синей легкой шерсти, и мои внутренности подпрыгнули от мысли, что в следующий раз я буду прикасаться к нему в качестве его жены.

Его жена.

От этой мысли новая волна желания прошла сквозь меня. Мои глаза привыкли к темноте достаточно, чтобы разобрать черты его лица, и я держала его взгляд, когда он погружался глубоко в меня, его теплое дыхание было на моих губах. Когда он полностью опустил меня на себя, я застонала от восхитительной наполненности, от того как наши тела идеально подходили друг другу. Он развернулся, прижав меня спиной к стене.

— Черт, — пробормотал он, медленно выходя и снова скользя. — Твой муж — счастливчик.

Я рассмеялась, низко и страстно, смакуя немного жизненной энергии, которую я чувствовала каждый раз, кода его член достигал моего клитора.

— Прямо сейчас я чувствую себя счастливицей.

Он сжал мою задницу, пальцы массировали мою плоть, когда он прижал меня крепче к своему телу.

— Ему лучше хорошо обращаться с тобой.

— Он так и делает, — выдохнула я, становясь все более возбужденной и влажной. Мое тело плавилось от удовольствия, мою кожу покалывало. — О боже, он… так хорошо обращается со мной…

— Он трахает тебя так? Он заставляет тебя кончать? Расскажи мне, — приказал Лукас возбужденным, хриплым шепотом, его член погружался в меня быстрыми устойчивыми толчками.

— Да, — крикнула я, забыв о том, что надо быть тихой, когда мои мышцы начали сжиматься сильнее. — Черт, да, он делает так. Он заставляет меня кончать так сильно… о боже, Лукас, не останавливайся, не останавливайся… — мои слова затихли, когда темнота на лестнице взорвалась светом тысячи звезд, таким ярким, что я закрыла свои глаза от блеска. Моя голова ударялась о твердую каменную стену. — Да, да, да!

Лукас вбивался жестче и быстрее, его неровное дыхание покидало его легкие, выходя через стиснутые зубы. Наконец его тело напряглось и замерло, единственное движение между нами — нарастающая пульсация его оргазма глубоко внутри меня. Я усилила хватку своих ног у него на талии, прижимая его крепче к моему телу. Это была самая невероятная эйфория, которую я когда-либо испытывала, это привело к тому, что мои глаза наполнились слезами.

Когда сокращения закончились, Лукас прижался своим лбом к моему, тяжело дыша.

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя. — Я скользнула одной рукой под его пиджак и, почувствовав биение его сердца под своей ладонью, улыбнулась. *Я наделась, что мы всегда будем делать это друг с другом.*

— И я забираю тот весь негатив, что говорил раньше о женитьбе. Потому что эта жизнь в браке чертовски изумительная.

Я рассмеялась.

— Мы поженились пару часов назад, Лукас.

— Мне плевать. — Он прижал свои губы к моим. — Мы должны вернуться на свадьбу?

— Да. Но, — я продолжила, когда он застонал, — я обещаю, что через час или около того мы сможем уйти насовсем.

— Еще один час я не смогу вытащить тебя из этого платья? — Он покачал головой. — Извини. Я не выдержу этого.

Я снова рассмеялась, из-за чего мышцы моего лона сжались, и он снова застонал.

— Ты выдержишь. И затем мы останемся одни на весь остаток ночи. Обещаю.

Он улыбнулся в ответ.

— Да ладно, француз. У тебя должно быть больше терпения, чем у меня.

— Я только наполовину француз. А также наполовину нетерпеливый американец, и прямо сейчас эта половина выигрывает.

— Это стоит того, чтобы подождать, — прошептала я. — Я купила кое-что особенное, чтобы надеть.

— Ох, Иисус. Это должно помочь мне прямо сейчас? — тяжело вздохнув, он поднял голову. — Но, полагаю, я могу попробовать. — Он поцеловал меня в щеку. — И ты всегда стоишь того, чтобы ждать, любимая.

Мое сердце увеличилось в груди, когда Лукас поставил меня на ноги, осторожно помогая мне привести в порядок платье, прежде чем застегнул свои штаны.

— Тебе вероятно нужно в ванную?

Теплая смесь нашего желания стекала по моей ноге.

— Эм, да. Могу я прошмыгнуть наверх?

— Конечно, Но… — он продолжил, поднимая мои маленькие кружевные трусики с

пола. — Я засуну это в свой карман. И если ты попытаешься заставить меня ждать больше чем час, я вытащу их и понюхаю перед всеми.

Я ахнула.

— Ты не посмеешь.

— Испытай меня. — Он открыл дверь и свет проник на лестничную площадку, заставив меня щуриться, когда я наблюдала, как он засовывает мои трусики в свой карман. Подарив мне знающую полуухмылку, которая заставила мое сердце биться быстрее, он сказал:

— Теперь пойдем, мадам Фурнье. Часы тикают.

Мадам Фурнье.

Я была мадам Фурнье.

Как безумно это было?

Бонус 2

В ванной комнате, которую на вилле мы называли «наша», я привела себя в порядок и освежила макияж, слегка нахмурившись от приведенных в беспорядок каштановых волос, спадающие вниз по одному плечу, которые этим утром были так искусно собраны. Полагаю, мы потеряли несколько шпилек. Я улыбнулась своему раскрасневшемуся лицу в отражении.

Маленькая цена, чтобы заплатить.

Я нанесла немного бальзама для губ и стерла растекшуюся тушь под глазами, прежде чем выключить свет. В ванной я подошла к комоду и открыла верхний ящик, в поисках еще одной пары трусиков. Роскошный комплект из бюстгальтера, трусиков и подвязок из «Agent Provocateur» соблазнял меня из того места, где был спрятан — тонкий шелк с черным кружевом и ажурные маленькие розовые цветочки, вышитые на кружеве, а также маленькие черные бантики на каждой бретельке. Задняя часть трусиков была как французская сеточка… немного скромнее стрингов, но также сексуально. Черные шелковые чулки со швом на задней части и высокие каблуки завершат ансамбль — идеальное сочетание шаловливости и нежности, которое, как я знаю, Лукас любил. В момент, когда я увидела этот комплект, я знала, что приобрету его на брачную ночь.

Нашу брачную ночь!

Мой желудок сделал сальто, я провела пальцами по шелку и кружеву, закусив одну сторону нижней губы между зубами. Как долго придется ждать, прежде чем мы действительно останемся наедине?

Музыка с вечеринки просачивалась через окно, и я услышала громкий мужской смех, из-за чего мне стало любопытно посмотреть вниз.

— Ох нет. Нет, нет, нет. — Среди братьев Лукаса и их друзей, видимо, было традицией бросать жениха в бассейн, и я с ужасом наблюдала, как Лукаса водрузили на плечи его два старших брата и на счет три торжественно бросили в воду цвета морской волны.

— Этот прекрасный костюм, — застонала я, когда Лукас вынырнул на поверхность, смеясь и убирая волосы с глаз. И эти туфли — туфли! — на Лукасе была шикарная пара коричневых, сделанных в Италии туфель. Они побеспокоились о том, чтобы снять их, когда бросали его в бассейн?

Не то чтобы Лукаса это заботило. В действительности, он выглядел в полном восторге, когда вылезал из бассейна, схватив своего брата, Жиля, за локоть. Еще больше криков и смеха последовало, когда Лукас потянул Жиля к краю и боролся мгновение, но затем ему удалось столкнуть его вниз. Он сам оказался в воде второй раз, но не раньше, чем я заметила, что он, слава богу, был без туфель.

— Парни, — пробормотала я, качая головой, когда эти двое шуточно боролись в воде. Но Лукас выглядел таким счастливым, что я улыбнулась. Пару лет назад я смотрела в то же самое окно и рассуждала, что моя влюбленность в него никогда не перейдет во что-то большее, чем флирт — и вот я здесь, его жена, с кольцом и в свадебном платье… без трусиков.

Я улыбнулась. Может, я так и останусь.

#

— Я думала, что французские мужчины более утонченные, чем это, — я протянула Лукасу полотенце, когда он пожал плечами в своем мокром пиджаке.

— Они такие и есть, — Жиль подтянулся к краю бассейна и похлопал Лукаса по плечу. — Но он наполовину американец. И он начал эту традицию на моей свадьбе, так что заслужил это.

Я также протянула полотенце и Жилю, с сочувствием качая головой.

— Полагаю, так и было.

Лукас улыбнулся, когда вытер лицо и встряхнул головой как мокрый щенок. Я не могла перестать улыбаться от того, каким он был очаровательным, несмотря на то, что его волосы свисали ему на лицо. Особенно, когда его волосы свисали на лицо. Когда я наблюдала за тем, как он пытается вытереть себя, я вспомнила ночь, когда мы впервые встретились, то, как я сморщила нос на его неряшливые волосы и небритое лицо. Но даже тогда, мне нравилась доброжелательность его улыбки и теплота во взгляде.

И форма его задницы. Она мне тоже понравилась.

В действительности, мне нравилась она прямо сейчас. Его мокрая одежда облегала его подтянутое тело.

— По крайней мере, ты снял ботинки.

— Не я, Жан-Поль снял их, перед тем как они сбросили меня.

— Благослови, Господь, Жан-Поля. Но бедный твой костюм, — застонала я.

— Да, не уверен, что он выжил. — Лукас поднял пиджак, с которого стекала вода, и мои глаза поймали отблеск на его пальце — обручальное кольцо. Не думая, я вытянула руку и провела большим пальцем по гладкой платине.

Мое горло неожиданно стянулось, мое зрение стало размытым из-за слез. Как нелепо — я не плакала даже на церемонии, и теперь готова разреветься?

— Эй. — Лукас опустил свою руку и обнял меня другой, притягивая ближе и прижимаясь своими губами к моему лбу. — Ты в порядке? Не злишься? Жених, брошенный в бассейн, вероятно, не был в свадебном списке.

Я фыркнула.

— Нет, глупенький. Я не злюсь. Я просто увидела твое кольцо и поняла, как счастлива. Церемония прошла так быстро, и у меня даже не было времени осознать это — я имею в виду, на самом деле осознать, что мы женаты. *Женаты*.

— Так и есть. — Его голос надломился, и он сжал меня крепче. — И я никогда не был так счастлив.

— Я тоже. — Рассмеявшись, я отстранилась от его мокрого тела. — Но если ты хочешь обнимать меня, может, сходишь переоденешься сначала.

Он изучал меня мгновение, и я могла увидеть, как в его глазах возрождается огонь.

— Я переоденусь, но, когда вернусь, мы со всеми попрощаемся. К черту час.

Черт. Я даже не сказала ему, что не надела нижнее белье.

— Правда?

— Да, я покончил с тем, чтобы делиться тобой, жена.

Ухмыльнувшись, я задалась вопросом, сколько времени пройдет, прежде чем бабочки перестанут трепетать у меня в животе от того, что он меня так зовет.

— Я и не против. Я подожду здесь.

Я немного смешалась с толпой, болтая с гостями и танцуя с друзьями, пока не увидела, как ко мне по гравийной дорожке идет Лукас, с каждым его шагом мое желание нарастало.

Он был одет в свободную белую рубашку, не застегнутую на верхние пуговицы, бежевые льняные штаны и выражение его лица гласило: «Попрощайся со всеми, принцесса, свадьба окончена». Он взял мою руку в свою и прошептал мне на ухо:

— Время пришло.

Я улыбнулась.

— Только дай мне пожелать доброй ночи моим родителями и Эрин с Коко.

Мы начали прощаться со всеми, обнялись, поцеловали всех, приняли пожелания от друзей и семьи и получили много пошлых шуток и подергивания бровями от Эрин, Коко и Ника. Еще раз поблагодарив Генри и Жан-Поля за то, что предложили их прекрасную виллу для свадьбы, мы покинули толпу и прошмыгнули в дом. Когда мы достигли основания большой каменной лестницы, Лукас потянул меня за руку.

— Дай мне секунду, — он поцеловал меня в щеку. — Я хочу взять кое-что с кухни, ведь я знаю, как только мы окажемся в нашей комнате, я не захочу покидать ее остаток ночи, — наклонившись ближе, он сказал: — И не позволю тебе выйти из моего поля зрения.

Я захихикала.

— Что ты собираешься сделать, связать меня?

Его глаза заблестели, пальцы сильнее сжались на моем предплечье.

— Не соблазняй меня.

Боже. На мгновение я развлекалась фантазией о том, как Лукас пристегивает меня наручниками к изголовью кровати в моем свадебном платье, хотя шелк был более в его стиле, чем металл. Но эта идея имела свою привлекательность. Я наблюдала, как он исчез в обеденной комнате, мои руки сжались в кулаки. Я не могла дождаться заполучить его голым — моего мужа. Моего мужа.

Как я могла думать о том, чтобы провести свою жизнь с кем-то другим? Иногда это изумляло меня — как близка я была к тому, чтобы потерять шанс быть с Лукасом. Что если бы я не села на тот самолет? Если бы не забрела в тот бар той ночью? Если бы он не работал за кого-то другого не в свою смену? Это было невероятно, насколько жизнь была открыта для случая, слепая удача неловких дураков — вот почему иметь план всегда было хорошей идеей.

Когда Лукас вышел из-за угла и улыбнулся мне, я составила план на ночь:

1. Подняться в нашу комнату.

2. Соблазнить мужа нижним бельем.

3. Заниматься сексом.

Да, этого уже было довольно много.

Иногда простота хороша.

— Готова? — он нес бутылку шампанского и два бокала, но предложил мне свою руку, чтобы подняться по лестнице. — Ранее я попросил их принести лед в нашу спальню. Но если его там нет, я не буду переживать.

— Я тоже. — Скользнув одной рукой под его локоть, я держала свое платье другой, когда мы поднимались. — Сейчас мне на все плевать, кроме того чтобы остаться с тобой наедине. — На секунду я склонила свою голову ему на плечо. — Такое чувство, что это было так давно.

— Так и есть. Слишком долго. — Мы достигли вершины лестницы и двинулись по коридору к своей спальне. — Но мы все наверстаем.

Мне тоже нравился этот план.

Лукас открыл дверь нашей спальни и остановился, пропуская меня первой. Я сразу заметила свечи — ранее их не было, но сейчас были десятки свечей цвета слоновой кости разнообразной формы и высоты на каждой плоской поверхности комнаты. Я ахнула от того, как комната переливалась в мягком, теплом свете.

— О боже мой, так красиво, — прошептала я, разворачиваясь, чтобы осмотреть все.

Лукас закрыл дверь за нами и поставил бокал на комод.

— Я рад, что тебе нравится.

— Мне очень нравится. Спасибо. — Я прошла в ванную и увидела, что свечи расставлены и на поверхности раковины и ванной. Ммм, у меня были приятные воспоминания о нахождении в этой ванной с Лукасом. Немного громкие воспоминания — мой голос действительно становился громче от этих плиток.

— Милый, — сказала я, смотря на окно за мной. Оно все еще было открыто. — Думаешь, мы должны закрыть окно?

Ухмылка растянулась на его губах, когда он убрал фольгу с верхней части бутылки и начал раскручивать проволоку.

— Чтобы мы не нарушили тишину?

Мои щеки покраснели.

— Гм. Я точно не тихая. Ты знаешь это.

— Я каждый день благодарю за это Господа. — Затем он развернул бутылку и начал вытаскивать пробку, она вылетела с громким хлопком, и он закричал: — О боже мой, я люблю Париж!

Я застонала, как я была смущена, что на самом деле выкрикнула это во время секса в нашу первую ночь с Лукасом.

— Иисус, ты когда-нибудь перестанешь мне это припоминать?

Его щеки тряслись от смеха, когда он сказал:

— Никогда.

Я тоже улыбнулась, когда пошла к окну, закрыла его и задернула шторы.

— Я правда люблю Париж, и ты это знаешь. Можем мы провести там пару дней, прежде чем поедем домой?

— Мы можем сделать все, что ты захочешь. — Он протянул мне бокал, полный золотистых пузырьков. — Ты хочешь Париж? Ты получишь Париж. Ты хочешь на пляж в Турцию? Ты получишь пляж в Турции. Ты хочешь проехать на верблюдах в Марокко? Ты получишь верблюдов в Марокко.

Я ухмыльнулась.

— Я хочу все это. Но слишком истощена от всей этой свадебной суеты, и поэтому не хочу большое путешествие. Париж с тобой — рай для меня.

— Тогда Париж.

— И давай делать то, что мы делали, когда познакомились.

— Ты имеешь в виду постоянный секс? Мне это подходит.

— Нет! Я имею в виду, да, конечно, но также посещать места, как Пер-Лашез или музей Родена. Ты снова будешь моим гидом, — сказала я счастливо, — а в моей голове будут грязные мысли о тебе.

— У меня тоже очень много грязных мыслишек о тебе, поверь мне.

— И вот почему нам так хорошо вместе, — я чокнулась с ним своим бокалом. —

Муженек. — Мы выпили, пузырьки щекотали мой язык и горло.

— Муж. — Лукас покачал головой. — Я все еще не могу к этому привыкнуть.

— И я, — призналась я. — Но мне нравится говорить это. — Наши глаза встретились, между нами разгоралось желание. Мое платье ощущалось тяжелым и горячим. — Думаешь, здесь не будет слишком жарко с закрытым окном? — На вилле не было системы кондиционирования.

Лукас пожал плечами, поставил свой бокал и потянулся ко мне.

— Если будет, то мы снова его откроем. Мне плевать, кто нас услышит. — Он поцеловал меня, обнял за талию, его язык искал мой, холодный и покалывающий от шампанского. Когда поцелуй стал более возбуждающий и интенсивный, желание от него направилось прямо к моему лону, и потребность запульсировала у меня между ног.

— Хочешь помочь мне снять платье? — прошептала я. Поставив свой бокал на комод рядом с его, я отвернулась от него, чтобы он мог развязать шнуровку и расстегнуть крючки на нижней части моей спины. Он быстро сделал это и стянул лямки с моих плеч, поймав платье своими руками.

— Я люблю твою спину, — сказал он, целуя каждую лопатку, затем каждый позвонок, опускаясь ниже по моей спине. Мурашки появились на моих руках, а грудь изнывала от того, чтобы к ней прикоснулись. Лукас прижался ближе ко мне, и я могла ощущать, что он становится тверже, его эрекция упиралась в мой копчик. Я завела руку назад и потерла его через штаны, мое дыхание участилось, когда он стал толще и длиннее под моей ладонью.

Он мягко застонал:

— Нам лучше снять это платье. Еще минута, и я просто снова возьму тебя в нем. — Пригнувшись, он опустил платье, и я вышла из него. — Ты не надела нижнее белье? — сказал он в неверии.

Я улыбнулась ему.

— Нет, с тех пор как я встретила незнакомца на лестнице.

Он выпрямился, его голодные глаза путешествовали вверх и вниз по моему телу, от моих пяток до волос.

— Незнакомца, ха?

— В нем было что-то знакомое. Он очень хорошо знал мое тело. — Я подобралась ближе к нему, запустила свою руку ему между ног и прошептала в его ухо: — И его член был невероятен — такой большой и толстый. Он так жестко оттрахал меня у стены…

— Да? — голос Лукаса был тихим и хриплым. — Тебе нравится, когда тебя трахают жестко?

— Да. Жестко и глубоко. — Под моими руками я ощущала, как его член дернулся, и я подумала, что мне лучше повесить мое платье и переодеться в свое новое нижнее белье, прежде чем все выйдет из-под контроля. Я знала, как быстро Лукас может закипеть — и как быстро он может заставить меня сделать то же самое. — Я должна повесить платье, малыш. И затем мне нужно несколько минут, чтобы переодеться в твой сюрприз.

— Нет. — Он бросил платье на скамейку у подножья кровати и сгреб меня в охапку. — Больше никаких ожиданий.

— Что? Я думала, ты сказал, что я стою того, чтобы подождать, — протестовала я, пока он нес меня в кровать.

— Ты стоишь этого, любимая. И ты заслуживаешь мужчину, который будет ждать всю ночь. — Он бросил меня на кровать и навис надо мной. — Но я не тот мужчина.

Но у меня было белье для первой брачной ночи, я хотела поспорить, но когда его рот оказался у моей груди, и его пальцы скользнули между моих ног, я перестала думать о том, что хотела надеть и думала только о том, что хотела снять — например, все, что было надето на Лукасе.

— Видишь? — прошептал Лукас, легко скользнув в меня, сначала одним пальцем, а затем двумя. — Ты тоже не хочешь ждать. — Его язык кружил вокруг одного твердого, розового соска, прежде чем он взял его в свой рот и всосал.

Я застонала, изогнув спину и запустив пальцы в его волосы.

— Нет, я не хочу ждать. Я просто хочу… ох! — я ахнула, когда он укусил меня, но застонала в удовольствии, когда он провел по укусу своим теплым, влажным языком. — Я просто хотела, подарить тебе кое-что красивое, на что ты мог бы смотреть.

Он поднял голову.

— Нет ничего красивее, чем то, что сейчас напротив меня. Только ты, твоя кожа, твое тело. Каждый сантиметр тебя. — Он провел дорожку из поцелуев по моему животу и раздвинул мои бедра, заставляя мои внутренности дрожать. — Позволь мне попробовать тебя.

— Да. — Прошептала я, когда его язык коснулся моего лона. — Да, — я прошептала, когда он кружил по моему клитору, вызывая восхитительные ощущения. — Да, — я прошептала, когда он слегка щелкнул по нему языком, прежде чем всосал его в свой рот. — О боже, так хорошо. — Я держала свои руки в его волосах, удерживая его рот там, где я хотела; моя потребность увеличивалась с каждой прошедшей секундой. — Я люблю твой рот на мне, — сказала я, глядя на его кудрявые волосы между моих ног. — Я люблю, когда ты трахаешь меня своим языком. — Он застонал, толкнувшись бедрами в кровать.

— Лукас, я хочу тебя внутри. Сейчас. — Я сжала его волосы в своих руках и потянула его вверх. Я была на грани оргазма, но хотела подождать его.

Мои пальцы возились с пуговицами на его рубашке, и наконец расстегнули ее. Я потянула за нее, и он переместил свой вес на колени, чтобы сдернуть рубашку и бросить ее на пол. Его брюки и нижнее белье последовали за ней, и мгновение спустя его тело накрыло мое, и он скользнул в меня.

Когда я посмотрела на него, мое сердце забилось быстрее, я подумала о том, как мне повезло, что этот великолепный мужчина дал мне сегодня брачные клятвы. Да, свадьба была всем, о чем я мечтала, и все прошло идеально, но если я забуду вкус шампанского или звуки гитары или запах воздуха, мне будет все равно. Потому что у меня есть это, на всю жизнь. Чувство того, как я открылась ему, чувство наполненности им. Когда он двигался надо мной, его бедра вбивались в меня медленно, но глубоко, и я обернула ноги вокруг него и убрала его волосы с лица.

— Я люблю сегодняшний день. Но я хотела сбежать, ты знаешь. Все что я когда-либо хотела — прямо здесь.

— Я знаю. Но сегодняшний день сделал тебя счастливой. А видеть тебя счастливой — значит для меня все.

Я улыбнулась.

— Я полагаю, что у тебя сейчас есть все, потому что в данный момент я безумно счастлива.

— Так и есть, — прошептал он, раскачиваясь во мне в более ускоренном темпе. — Я у меня есть все — даже жена.

— О боже… я люблю… быть твоей женой. — Мои руки двинулись к его бокам, и я притянула его крепче к своему телу, приподнимая свои бедра, чтобы принять его глубже, почувствовать давление и сокращения там, где я нуждалась в этом. — Я люблю все… особенно… это. Особенно…

— Мой член? — Лукас закончил за меня, трахая меня жестче и быстрее.

Я исступленно рассмеялась — на шутку, на то, как он читал мои мысли, и как он заставлял меня еще сильнее влюбиться в него, хоть это и казалось невозможным.

И затем слова были потеряны, когда наши тела заговорили на своем языке, вздохами, ахами и бессвязными криками удовольствия, когда подводили друг руга к грани восторга, а затем за ее пределы.

Во Франции оргазм называли «la petite mort», что буквально можно было перевести как «маленькая смерть». Когда Лукас рассказал мне это, я оспорила это, наоборот, я никогда не чувствовала себя более живой, чем когда получала оргазм с ним.

— Не то чтобы это что-то убивает, — объяснил он. — Это больше как… как что-то от тебя. Какой-то элемент жизненной силы или энергии, и вот почему после приходит такое истощение.

Я определенно могла понять это.

Но этой ночью, нашей брачной ночью — ночью множества маленьких смертей, позвольте мне признаться — я начала понимать эту фразу на другом уровне. У меня и до этого были тысячи блаженных оргазмов с Лукасом, но почему-то теперь, когда мы были охотно и навсегда связаны друг с другом, это ощущалось по-другому. Каким-то образом, я дала более глубокую оценку обмену близостью — мы отдавали друг другу что-то большее, чем просто удовольствие, что-то даже большее, чем любовь. То, что глубже, чем на плоти и костях, глубже разума и сердца. Кусочек души?

Возможно.

Я не знала, верила ли в родственные души, судьбу или в человека, который предназначен тебе каким-то космическим или волшебным образом. Но когда я думала, что где-то внутри моей души есть кусочек Лукаса, и я держу его там, я была полностью умиротворена — для меня это был рай.

Так, если я должна умереть, чтобы получить это, то сделаю это охотно. Тщательно. И надеюсь, часто.

Эти французы действительно знают свое дело.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Примечания

1

профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной лиге бейсбола.

2

Ревущие двадцатые — эпоха 1920-х годов в Северной Америке, Лондоне, Берлине и Париже. Название характеризует динамичность искусства, а также культурной и социальной жизни этого периода. Радикально меняются моды и стиль одежды, наступает расцвет джаза и ар-деко, радиовещание становится повсеместным, кинематограф обретает звук и из редкого развлечения превращается в массовый вид досуга и отдельный вид искусства.

3

знаменитая американская фотомодель, снимавшаяся в 1950–1957 годах в таких стилях, как эротика, фетиш и pin-up.